

Юрий Ивановиченко
Вячеслав Демченко

ПРОЩАНИЕ С «ИМПЕРАТРИЦЕЙ»

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Юрий Иваниченко

Прощание с «Императрицей»

«ВЕЧЕ»

2019

Иваниченко Ю. Я.

Прощание с «Императрицей» / Ю. Я. Иваниченко — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7858-1

Следуя за героями романа, повествующего о полной опасностей службе братьев Ивановых в годы Первой мировой войны, читатель переносится то на пограничье между Польшей и Восточной Пруссией, то на Кавказский фронт, то на палубу эсминца, то в тесный отсек единственного в России подводного минного заградителя, то в бурлящий страстями и интригами Петроград. Захватывающие события разворачиваются в период со второй половины 1915-го до осени 1916 года, до гибели флагмана российского Черноморского флота линейного корабля «Императрица Мария». Всё это вкупе с точными описаниями военных и бытовых реалий времён великой войны придаёт особую убедительность большим и малым подвигам, переживаниям и приключениям героев книги.

ISBN 978-5-4484-7858-1

© Иваниченко Ю. Я., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Воинская присяга русской Императорской армии	6
Великая война Ивановых	7
Николай Иванов	9
Вадим Иванов	11
На крайний юг	11
Николай Иванов	15
Как сие начиналось	15
В кабинете С.Д. Сазонова	17
Мустафа Кемаль (Ататюрк)	19
Николай Иванов	20
Ещё несколько шагов к краю пропасти	20
Кирилл Иванов	22
Назначение и предназначение	22
Хроника военных действий	24
Николай Иванов	25
Без выбора	25
Кира Иванова	27
Знание и признание	27
В кабинете С.Д. Сазонова	28
Василий Иванов	30
«Кинжал и роза»	30
Варвара	34
Красные драпри	34
Черноморская хроника	35
Василий Иванов	36
В кабинете С.Д. Сазонова	40
«Р-революционерка» воря	43
«Емансипатио» Кира	46
Николай Иванов	49
Мичман Василий	52
Конспирологическая заметка	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юрий Иваниченко

Прощание с «Императрицей»

© Иваниченко Ю.Я

© Демченко В.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Первая мировая война.

«Война моторов».

«Война миллионов».

Война «внутреннего сгорания».

Война, в которой сгорели четыре империи...

Воинская присяга русской Императорской армии

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Его Императорского Величества государства и земель Его врагов телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всё стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потицуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальником во всё, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и всё по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всё так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру (солдату) надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение сей клятвы целую слова и крест Спасителя моего.

Аминь».

Большая война Ивановых (Восстановлено по приходским книгам)

Иванов Иван Иванович, 60 лет, антрополог, экстраординарный профессор Санкт-Петербургского, то есть теперь Петроградского университета. И, по случаю, – этнограф. По учёному званию – надворный советник. Никакого отношения к военному делу не имеет.

Всё чаще, кутаясь в плед, он подолгу задерживается не в кабинете, а в гостиной, в кресле-качалке против коридора к входной двери, ожидая вестей о беспокойном своём потомстве. Жена его Елизавета, в девичестве Коваль (1860–1897 гг.), умерла при родах младшего сына.

Сыновья и дочери:

Вадим Иванович Иванов, 36 лет, лейтенант флота, старший артиллеристский офицер эскадренного миноносца «Лейтенант Пушкин», после – командир 152-мм палубной батареи броненосца «Евстафий». Был тяжело контужен в бою «Евстафия» с германским крейсером «Гебен», оперирован самим Н.Н. Бурденко, для чего был вывезен на Северо-Западный фронт¹. Теперь, после госпиталя в Курляндии, с которым едва не угодил в плен, снова в строю. В Севастополе его ждёт законная жена Арина – та самая внучка командора Севастопольского яхт-клуба.

Кирилл Иванович Иванов, 30 лет, уже старший лейтенант Императорского военно-воздушного флота и начальник авиационной службы связи Черноморского флота. Прославившись едва ли не случайным потоплением германской подводной лодки, был представлен Его Императорскому Величеству и награждён. Несколько зимних месяцев он тогда провёл в Царско-сельской авиашколе в качестве инструктора.

По пути в Севастополь не преминул ввязаться в «Курляндскую» историю, получившую продолжение, вполне достойное шпионского романа². И хоть довольно-таки героически – посредством «петли Нестерова» – справился с главным его злодеем, но за это уже награждён не был, по крайней мере явно, – величайшей секретности было дело.

В деле этом поучаствовал и младший из братьев Ивановых – Василий – юноша 18 лет, вчерашний курсант «Отдельных гардемаринских классов», но сегодня уже мичман. При том что свой подлинно боевой путь умудрился начать он в полевой артиллерии, проявив вполне мальчишескую строптивость, – сбежал после несостоявшегося «практического плавания» в действующую армию. Откуда был возвращён едва не за ухо старшими братьями, даром что уже с солдатским Георгием на френче вольноопределяющегося подпрапорщика.

Теперь же, получив наконец-таки мичманские погоны из рук самого генерал-квартирмейстера Кронштадта, готовится отбыть переводом в Севастополь. И, пожалуй, впервые в жизни со стыдом сознаёт, что «не рвётся». Вернее, разрывается между мечтами «о подвигах, о доблести, о славе» и сводящей с ума улыбкой девицы Нелидовой...

Дочь профессора Ивана Ивановича Варвара, выпускница Петербургских Фребелевских курсов, уже 24 лет, – и уже вряд ли когда детская воспитательница. После севастопольских «каникул», едва не стоивших ей жизни во время бомбардировки города немецким линейным крейсером «Гебен», вернулась в Петроград, и тут оказались её «воспитанники» отнюдь не детьми, а куда старшими. Агитированная другими курсистками, Варвара теперь преподаёт начальную грамоту в рабочей школе на Литейном и тут же вместе со своими учениками, едва разучившими «яти», постигает азы политэкономии.

¹ См.: Ю. Иваниченко, В. Демченко. Враг на рейде. М.: Вече, 2017. (Военные приключения).

² См.: Ю. Иваниченко, В. Демченко. Путь к Босфору. М.: Вече, 2017. (Военные приключения).

Экстраординарный профессор Петроградского университета И.И. Иванов на это неодобрительно качает головой, но молчит, так что вполне возможно, что лысеющую голову его приводит в действие кресло-качалка или вовсе нервы. А вот неизменная семейная прислуга Глаша – та в голос молит, чтобы в квартиру не явился полицмейстер с обыском.

Приёмная профессорская дочь Кира ведёт себя весьма предосудительно: наряжается бог весть как и пропадает на подозрительных квартирах, где читает стихотворения, за которые, впрочем, не в полицейский участок волочь следует, а пожалуй что в «жёлтый дом». Ей уже двадцать два.

Привезённая с Алтая как довольно неожиданная находка антропологической экспедиции батюшки, она в последнее время вдруг заинтересовалась своим происхождением – и это тревожит. Неровён час, выкинет какой-то фортель в порядке генеалогических изысканий, но непременно с жертвами и разрушениями, – что тогда? С барышни, сумевшей в буквальном смысле угнать паровоз и съездить на нём в тыл к немцу (Кира также поучаствовала в «Курляндской авантюре»), – станется.

Брат профессора, Алексей Иванович, статский советник, выходец из Инженерного замка³, у него свой кабинет на Дворцовой площади в министерстве Сазонова. И, судя по всему, кабинет в широком, «британском» смысле – как «кабинет» дипломатической разведки. Вообще-то иностранной разведкой у нас занимается всяк кому не лень: от «Особого делопроизводства» у генерал-квартирмейстера Генерального штаба и вплоть до наблюдательного иеромонаха Святейшего синода – но все они, так или иначе, действуют через дипломатические представительства за рубежом. А тут и Алексея Ивановича всевидящее око...

Так что неудивительно, что и в недавней шпионской истории Алексей Иванович был едва ли не главным лицом, но, как «Бог из машины», – почти не покидая заоблачного своего кабинета.

Вот только всё никак не удаётся «всевидящему оку» статского советника узреть, где сын его Николай, 27-летний гвардии пехотный капитан, что пропал без вести ещё при окружении пехотного корпуса 10-й армии Северо-Западного фронта...

³ Выпускник Николаевской инженерной академии.

Николай Иванов

Августовские леса, февраль 1915-го

– Что у нас с боеприпасом?..

Перемахнув через поваленный ствол вековой сосны, изгрызенной пулями точно шашелем, капитан Иванов скатился в яму от вывороченных корней к бурым от грязи сапогам пулемётчика, засевшего на краю бурелома.

– С боеприпасом что? – раздражённо переспросил пулемётчик, не оборачиваясь. – Погоди-ка трошки, ваш благородие... Ось...

«Максим» со снятым броневым щитком затрясся, поводя чуть ли не вкруговую рифлёным кожухом ствола.

– Ось...

В ответ участились было хлопки немецких «маузеров», гортанно выкрикнул что-то грозное офицер поодаль в заснеженной чаще, но, перекрывая и его, и всю привычную какофонию боя, раздался чей-то почти бабий похоронный вой с причитанием, которое «максим» поспешил обрезать, резко повернув в ту сторону круглым рыльцем. Иванов закашлялся пороховым дымком. Посверкивая металлом, гильзы, как нищенские медяки, посыпались на фуражку капитана, на погоны без звёздочек с одной только красной дорожкой.

Отодвинувшись, Николай утёр лицо фуражкой, обмякшей без каркаса по вынужденной фронтовой моде. Лицо широкое, мягких черт, добродушное, с наивно вздёрнутыми бровями, – недаром острая на язычок кузина дразнилась: «Матрёшка с ушами». Уши-то, да – характерная для всех Ивановых примета. Потом, правда, когда уши отступили на задний план портрета под фуражкой и в военном мундире, Варя стала поправляться: «С усами». Теперь уж, в ссадинах от еловой щепы, выбитой пулями, в медном пороховом загаре и копоти, скорее: «Злая матрёшка»...

Пулемёт замолчал, словно допечатал на «ундервуде» приговор до последней победной буквы.

– Ось теперь усё, ваше благородие, – со странным каким-то злорадством доложил пулемётчик, рыжеусый вахмистр в синих штанах с лампасами. – Гэть нэма патронов.

Капитан безразлично кивнул, словно поддакнул собственным мыслям, словно и не было в словах солдата ничего особенно важного:

– Вот и хорошо.

– Это ж чего доброго-то? – насторожился вахмистр, скатившись в «берлогу», будто нарочно заготовленную миномётным снарядам к медвежьему зимовью.

Вот только медведя сейчас, в Августовских лесах, поди, и за сто вёрст не сыщешь – заснёшь тут, когда день и ночь, то тут, то там – эдакое светопреставление. И люди, люди кругом: в кудлатых шапках или кожаных шлемах с пиками. И то гонят, то догоняют друг друга, забыв о дичи, но неумоимо охотясь на таких же, как сами, двуногих зверей...

– А то хорошо, – отозвался наконец капитан Иванов и принялся заталкивать полы шинели под ремень с портупеей. – Что пойдём налегке.

– Та як це можна? – искренне возмутился вахмистр Григорий Борщ, даже рыжие усы перекосило. – Я зараз його зи станка зниму...

Кавалерийские лампасы казака снова мелькнули наверх. Капитан покосился через плечо на рачительного хохла, махнул рукой в неловкой рукавице в три пальца:

– Дело хозяйское. Только, боюсь, ближайшим временем ты тут никаких патронов, кроме как для «маузера» или для «манлихера», не сыщешь.

Николай Алексеевич и званием – капитан, и гвардейским своим происхождением в ином случае смотрелся бы сейчас, мягко говоря, «не на месте», – всего лишь в качестве командира

сводной роты. Роты, которой не то что к полку приписать, – номера присвоить не успели. Да и когда было штабные формальности выправлять?..

Вадим Иванов

На крайний юг

Арина проводила Вадима Иванова до самого охранного поста перед спуском на Минную пристань. Могла бы проводить и до самого трапа «Жгучего», замершего у стенки на стылой неподвижной воде: вахтенный у ворот, старший кондуктор с эсминца «Жестокий», узнал командорскую внучку ещё издали. В мирное время, то есть совсем недавно, режим на Минной пристани был куда как мягче, а уж для командора яхт-клуба и кто там ещё с ним – так и вовсе свободный.

Узнал Арину и разулыбался, пренебрегая уставной строгостью. Но Вадим, практически уже не заикаясь, попросил:

– Дальше я сам.

Поцеловал руку жене (Арина едва успела сдёрнуть перчатку) и пошёл вниз, к своему эсминцу, чуть прихрамывая.

Представление, устройство в крошечной каюте старшего офицера, знакомство с командой и матчастью заняло весь остаток дня. А после ужина офицеры задержались в кают-компании. Штурман «Жгучего», только накануне вернувшийся из Батума на борту крейсера «Память Меркурия» (лейтенант был временно прикомандирован к штабу Батумского отряда флота, пока его эсминец находился в ремонте), рвался рассказывать – и все готовы были выслушать.

Общую обстановку – то, что наши войска, остановив наступление турок, теперь гонят и гонят басурман на юго-запад от реки Чорох, а Батумский отряд флота поддерживает казаков огнём с моря, – знал даже Вадим. За полдня, проведённые в Штабе флота, наслушался, в том числе и о перманентном конфликте кавторанга Шуберта, командующего Батумским флотским отрядом, и генерал-майора Ляхова, командующего всем Батумским участком фронта.

...Конфликт, как рассказывал один из адъютантов вице-адмирала, начался из-за случая с «Жарким», на то время – самой активной боевой единицей отряда.

Трехдьюмовки эсминца не только сбивали турок с укрепленных позиций, но и топили всё, что оказывалось поблизости под флагом с полумесяцем. Понятно, что басурмане выпросили у «Сушон-паши» помощи.

Однажды днём, где-то в середине декабря, на пирсе появился верховой казак и передал командиру депешу, извещавшую, что с сухопутных позиций в море замечен какой-то корабль. «Жаркому» предписывалось немедленно выйти в море и разведать обстановку. Казак ещё не успел ускакать, как на пирсе появился самокатчик из штаба на резвой мотоциклетке с известием, что неизвестный корабль является двухтрубным миноносцем. «Жаркий» уже был готов к выходу, когда новый посыльный из штаба крепости доложил, что неизвестный корабль – нечто длинное и с четырьмя трубами, как бы не германский крейсер, который направляется к нашим позициям.

Подняв пары, эсминец дал ход и вышел в море. Вскоре показались дымы, а затем и сам четырёхтрубный крейсер «Бреслау», идущий курсом на юго-восток.

«Жаркий» тут же сбавил ход. Атаковать в такой ситуации было безумием. Немчура, с его мощным артиллерийским вооружением и не раз уже, с нашим сожалением, испытанным умением комендоров, в ясный день пустил бы «Жаркого» на дно раньше, чем эсминец вышел бы на дистанцию эффективной торпедной атаки. Можно было, наверное, рискнуть, обменяться парой выстрелов и пуститься наутёк, но не факт, что удалось бы уйти. «Бреслау» – быстроходнее всех наших «угольщиков». Ну, командир и не захотел подвергать бессмысленной опасно-

сти миноносец, приняв решение держаться на прежней дистанции – 70 кабельтовых – и наблюдать за противником.

«Бреслау», так и не открыв огонь с дальней дистанции, неожиданно повернул и направился к побережью. «Жаркий» и «Бреслау» какое-то время наблюдали друг за другом, затем командир эсминца дал команду «право на борт» и приказал возвращаться в Батум. А «Бреслау» начал обстрел сухопутных позиций. Правда, казус у них вышел. Наши части как раз кстати отошли – какая-то перегруппировка у них начиналась, – и оставленные позиции тут же заняли турки. Так что «Бреслау» в течение почти двух часов обстреливал собственных союзников.

А командира «Жаркого» вместе с командующим Батумским отрядом вызвали к коменданту крепости.

– Почему вы не атаковали крейсер? – с порога зашумел Генерального штаба генерал-майор Ляхов.

– Ваше превосходительство, – пытался объяснить командир. – Среди бела дня это было совершенно невозможно! Он бы утопил нас прежде, чем мы смогли к нему приблизиться...

– Мои казаки, – отрезал Владимир Платонович, – всегда атакуют противника, и днём, и ночью. А вы не можете?

Убедить генерала было невозможно, и с этого дня и «Жаркий», и весь отряд впали в немилость у коменданта.

... В кают-компаниях за вечерним чаепитием штурман рассказывал о Батумском флотском отряде, приказ о включении «Жгучего» в состав которого был подписан накануне.

– Командующий отряда, кавторанг Шуберт – опытный моряк и очень независимый человек – вымпел держит на транспорте «Березань», вооруженном 75-миллиметровыми орудиями. В отряде, кроме того, наш систершип – «Жаркий» и ещё три паровых каботажных судёнышка, на которых установлены сухопутные пушки на колёсных лафетах. Во время стрельбы эти пушки перекачиваются с одного борта на другой – цирк, да и только. Эти судёнышки сами моряки называют китайскими крейсерами. С одним из них, «Дыхтау», нам приходилось встречаться недавно, и мы веселились, вспоминая его прозвище...

Два последующих дня Вадим работал с личным составом, разбираясь, кто на что способен и от кого чего ожидать в бою. Заодно проверял механизмы; оказалось, что элеватор подачи снарядов кормового орудия заедал – но своими силами удалось его отрегулировать и заменить смазку.

Ненадолго Вадим выбрался в город – без особого желания: истому петербуржцу такая ориенталистика, чтобы не сказать азиатчина, не слишком нравилась. Но выбрался – и не узнал некогда шумный, радостный, многонациональный и колоритный Батум. Теперь город был почти пуст. Большинство торговых и учебных заведений были эвакуированы куда-то в тыл. Улицы казались безжизненными...

Вечером третьего дня «Жгучий» получил приказ выйти в море к турецкому побережью – штаб крепости получил сведения, что не только всякая мелочь, шхуны и фелуки, подвозят в свою армию продовольствие и боеприпасы, но у побережья временами появляются и военные корабли.

«Жгучий» поднял пары и вышел в море. Орудия и торпедные аппараты заряжены, все на боевых постах. Курс – на юго-запад!

Вадим, взглядываясь в темноту в надежде что-либо обнаружить, стоял у носового орудия, около группы тихо разговаривающих матросов. Никто из них, видимо, не думал о том, что недавно замеченный у побережья военный корабль противника мог оказаться минным грабителем, и «Жгучий» вполне мог подорваться на турецкой или скорее немецкойmine. Для небольшого миноносца такое – верная гибель, без шансов для большей части экипажа.

Рядом с Вадимом у носового орудия стоял старший унтер-офицер, который во время Русско-японской войны служил на порт-артурской эскадре. С ним-то Вадим и поделился мыслью о минной опасности, пришедшей мимоходом.

Но Савченко – так звали старшего унтер-офицера – это почему-то совсем не встревожило.

– А хоть бы и так! Умереть таким образом не так уж и плохо. Всего один миг, без всякой боли...

– Если умереть – то да, наверное, – согласился и Вадим Иванов. – Но лучше, если уж погибать, то не от того, что нарвался на случайную мину, а чтобы в разгар боя и когда уже почувствовал близость победы.

– Красиво живёте, ваше благородие, – в темноте было не разобрать выражение, с которым отозвался на слова старшего лейтенанта Савченко. А потом продолжил, уже без подчёркнутой субординации, делясь сокровенным, как с другом, хотя знал Вадима считанные дни: – Русский матрос – он отважный, если им правильно руководить и вдохновить. Да что матрос, всяк русский воин тогда становится непобедимым...

Старший унтер-офицер помолчал немного, будто ожидая ответа, но ничего, кроме размеренного рокота машины, плеска и свиста рассекаемой на двадцатиузловом ходе воды, не прозвучало.

– Не в обиду вам, Вадим Иванович, – вы-то правильный, как все почти боевые офицеры. А скажу, что вожди, способные вдохновить на подвиг, рождались в России очень редко, а ныне их совсем не осталось.

– Может быть, они и есть, – отозвался Вадим, впервые услышав такие суждения от нижних чинов. И почему-то будто холодом подуло, и неким смутным видением, едва только оформленным в слова, представилась громадная, чуть ли не стомиллионная масса, которая осуждает... Если не всех, то уж наверняка – всё. Привычное и ему, и иже с ним донельзя – и, право же, красивое всё...

– Может, и есть, – тем временем дошли до сознания слова старого служаки, сказанные в ответ на реплику Вадима. – Только их не разглядеть в толпе тупорылых.

– И вам за столько лет службы не встречался никто из достойных вождей? – только и спросил старший лейтенант Иванов.

– В порт-артурской эскадре не было ни одного адмирала, который бы мог вести за собой людей в бой. Когда прибыл из России адмирал Макаров, на какое-то время загорелся боевой дух. Но флагманский броненосец «Петропавловск», на радость японцам, подорвался на mine и пошёл на дно вместе с адмиралом...

– Это было большое счастье для японцев, – только и сказал Вадим.

И продолжил, уже мысленно: «Если бы Макаров продолжал командовать там русским флотом, японцам никогда бы не удалось блокировать Порт-Артур, не было б Цусимы, а Япония никогда бы не стала великой морской державой».

А ещё вспомнил Вадим Иванов, как десять с лишним лет назад, то есть в разгар Русско-японской войны, ещё гардемарин, спросил у отца, уже тогда профессора:

– Ну, вот не понимаю, да и никто из наших не понимает, зачем забираться так далеко к желтокожим, если за спиной лежат бескрайние просторы родной страны, наполненной огромными богатствами.

Профессор Иванов, как всегда чуть вздёргивая бровь, сказал, будто обращаясь к студентам на вводном курсе в университете:

– Да, Россия – это единственная страна в мире, способная жить за счёт собственных ресурсов. Все остальные страны нуждаются в колониях, без которых не могут существовать.

И продолжил уже совершенно другим тоном:

– А огромной России всегда хватало всего кроме толкового руководства... – И предостерегающе поднял ладошку, останавливая реплику младшего брата своего, Алексея, который тогда уже перебрался в МИД.

...Тем временем «Жгучий» прошёл десятка два миль вдоль побережья противника, но не встретил никого. Побережье и море казались безжизненными. Было уже далеко за полночь, и следовало ложиться на обратный курс, чтобы с рассветом вернуться в Батум. Но миноносец шёл всё ближе к турецкому берегу, надеясь что-нибудь высмотреть в темноте, – и оказался сам замеченным. Вдруг во тьме по левому борту замигал яростный огонёк – пулемёт! – и застучали и зачвакали, расплющиваясь о броню, пули.

Савченко нырнул за якорную лебёдку, а Вадим перемахнул через барбет носового орудия и чуть ли не на лету скомандовал:

– К бою!

Вторая пулемётная очередь с берега прошла по палубе и мостику, каким-то чудом никого не задев.

Носовое орудие, наведённое по вспышкам выстрелов, рывкнуло дважды, а когда миноносец развернулся на 90 градусов в сторону открытого моря, по невидимому врагу выстрелило и кормовое орудие. Продолжения обстрела со стороны турок не последовало: то ли стрелять не из чего стало, то ли некому.

«Жгучий» лёг на обратный курс и без дальнейших приключений вернулся в Батум.

Вскоре поступила команда о выдвижении флотского отряда для обстрела турецких позиций – предполагалось начало нашего наступления. Целый день на корабли грузили боезапас, а на следующее утро, ещё до рассвета, оба эсминца вышли в море и, держась почти у самого берега, вышли к расположению наших войск.

Сигнал с берега – и началась боевая работа! Открыли огонь изо всех орудий, осколочными и шрапнельными снарядами.

В бинокль Вадим видел, как наши штурмовые колонны спускались в долину. Со стороны противника забили орудия, открыв свои позиции. Уже не сверяясь с картой, Вадим, перейдя к дальномеру, давал координаты – и раз за разом снаряды «Жгучего» накрывали цели. Очень метко стреляли и с «Жаркого», и под прикрытием корабельного огня наши части продвигались всё дальше вперед. Турки, ведя редкий и неточный ответный огонь, начали отход. Через три часа наши войска захватили несколько высот, а миноносцы, двигаясь дальше вдоль побережья, продолжали обстреливать шрапнелью отходящих турок, не давая им нигде закрепиться.

Так продолжалось до вечера.

...Последствия контузии всё ещё сказывались: никогда прежде так не болела и не кружилась голова. «Хотя, – подумал Вадим, – никогда прежде не приходилось проводить целый день рядом с грохочущими орудиями...»

Николай Иванов

Как сие начиналось

– Вот вам и арьергард, Николай Алексеевич, – сказал полковник Кривицкий, устало кивнув в сторону неустроенного, точно на пожарище, бивуака «беспризорников»: солдат и унтер-офицеров, оставшихся без начала и попечения и прибившихся к полку. Из них самым старшим по званию был подпрапорщик лет на вид восемнадцати. А самым способным к командованию (это капитан Иванов понял, заглянув в расширенные глаза подпрапорщика на детском лице, запятнанном высохшей чужой кровью) был бог весть откуда взявшийся тут казачий вахмистр лет сорока, с бритым черепом, закрученными усами с рыжинкой и фамилией соответствующей – Борщ.

С ним капитан уже успел познакомиться: распорядительный и уживчивый во всех смыслах малоросс, способный, кажется, найти себе выгодную вакансию и в Воинстве Небесном, и в «чёртовом племени».

– Дадите увести обоз – всем по Георгию, – без особого вдохновения, привычно почти добавил полковник Кривицкий с выражением острого приступа мигрени на желчном лице и, глянув за пазуху расхристанной шинели капитана, уточнил: – По очередному.

«Офицерский» четвёртой степени уже белел над клапаном полевой гимнастёрки слоновой костью.

– И приведите себя в порядок, как станете представляться.

Полковник коротко козырнул.

Капитан Иванов невольно замешкался, – и фуражки-то не было на голове, как его окликнул командир, так и не дав дойти до вожделенного котелка с «сугревом», заменившим и чай, и похлёбку, близ устроенной в амбаре лесного хуторка караулки.

«Привести себя в порядок...»

Для этого, наверное, первым делом надо было избавиться от уланского палаша без ножен, который он таскал за собой почти машинально, всё ещё не оправившись от стычки с германским разъездом.

... Не то чтобы особые храбрецы были те уланы в кожаных шлемах без укромной серой холстины, но с сияющими имперскими кокардами, в шинелях муравчатого сукна, – должно быть, не разобрались, когда, гарцуя, ворвались на попятный двор хутора (что и впрямь походил на почтовый ям забытого тракта). Скакнул один даже, как на манеже, через телегу с трупами, грязью из-под задних копыт бросил в лицо Николая, – тот как раз выскивал письма и документы в карманах убитых поутру товарищей.

И сам не понял капитан Иванов, как оказался на крупе сивого уланского скакуна. Вроде, только что стоял на четвереньках в мёрзлой тележной соломе, силясь непослушными пальцами развязать узелок бечевы со складнем на груди поручика Робсона. А тут как нелёгкая подхватила, – просто прыгнул куда-то вслед лихача, и уже оказался на закорках у немца. Только в нос ударил ядрёный смрад перегара и нелепый дух «розовой воды»: это улан извернулся и орал что-то благим матом в лицо капитана, вырываясь из-под его локтя, – уже с трезвым ужасом в белых глазах.

Со свёрнутой шеей улетел немец куда-то с глаз Николая под копыта своего же скакуна, а вот палаш его, притороченный ножнами к луке седла, остался. И хоть не было у пехотного капитана никакой иной практики в кавалерийской рубке, кроме как в битве с тыквами на огороде по малолетству, да так неистово махал он тем палашом, что германскому разъезду, по-

своему, и повезло даже. Прянули от него уланы за ворота раньше, чем во дворе поднялся должный переполох. Только одного и выбили из седла чуть запоздавшие пули вахмистра Борща.

Тогда-то без слов, раз переглянувшись, познакомились и прониклись обоюдным доверием капитан Н.А. Иванов и вахмистр Григорий Борщ. И поскольку вся баталия развернулась на глазах слегка оторопевшего полковника Кривицкого, что вышел на крыльцо потемневшего бревенчатого «штаба» как раз, чтоб в очередной раз распорядиться об его эвакуации, то он сразу же и сообразил: «Вот, кто и эти ошмётки, с которыми возиться ни времени нет, ни желания, в чувство приведёт. С ними же и боевую задачу выполнит...» Узнал полковник, командир остатков дивизии, капитана Иванова – не раз представлял его командир 114-го полка как первого своего помощника: «Иной раз вместо полковой артиллерии посылаю».

А задачу исполнить следовало нехитрую, но мало вдохновляющую, – вернуться назад, в полмя, из коего только вырвались, и помереть почти что наверняка, дав штабу и остаткам дивизии уйти в отрыв, на манящий звук далёкой канонады. Вот только всё более и более глухой, удаляющейся от прочерченной в последний раз линии обороны Сибирского корпуса. Не иначе как соседи, отступившие десять дней назад, так безостановочно и катятся по Мазурским болотам вспять, в Россию...

Полковник Кривицкий очнулся, вновь увидев перед собой капитана Иванова. На этот раз уже застёгнутого на все крючки шинели, прожжённой по подолу, с фуражкой, надвинутой на глаза цвета серого сукна. Шинельного серого сукна.

– Патроны? – запоздало переспросил полковник.

– ...И гранаты, и пулемётные цинки, ваше высокоблагородие, – присовокупил к уже сказанному, да не расслышанному полковником, капитан от гвардии Николай Иванов.

– Да где же их, мать их... – чуть не вырвалось у полковника с заскорузлой досадой. – Что начальник по обеспечению говорит?

– То же, что и вы, господин полковник, – безо всякого пиетета и даже равнодушно как-то заметил капитан. – Матушку поминает.

Кривицкий поморщился, пытаясь спрятать за понимающей полуулыбкой всё более затвердевающее чувство такого же, как и у капитана, смертельного безразличия: «Сил нет. Десять дней изматывающей непрерывной обороны и бессмысленных контратак силами, которых даже счесть невозможно, которые собираются, вот так, мимоходом, чуть ли не случайно из остатков дивизии. И так же пропадают в вареве адского котла окружения...»

– Скажите Сергею Павловичу, я распорядился, чтобы дали от взвода охраны штаба всё, что только можно.

«Всё что можно было» оказалось двумя коробами со снаряжёнными пулемётными лентами для станкового «максима» и дюжиной гранат системы Рдупловского, да с пригоршней патронов на каждый винтовочный ствол. С этим сводная полурота капитана Николая Иванова и ушла перегородить грудью единственную тут просеку заброшенного, должно быть, с Екатерининских времён почтового тракта.

Последним, сомнамбулически удерживая трёхлинейку под локтем, увязался следом за полуротой подпрапорщик с детским лицом, запятанным чужой кровью, – хоть его уже и не звал никто, ни на помощь боевую, ни на согласие не надеясь.

В кабинете С.Д. Сазонова

Алексей Иванов ждал аудиенции недолго. Мог и совсем не ждать – все переговоры (разве что за очень редким исключением встреч с представителями царской фамилии) не утаивались от руководителя внешней разведки. Но статский советник предпочитал разговаривать совсем без посторонних, сколь бы высокие посты они ни занимали в правительстве, Государственной думе или, тем более, при дворе, особенно в группировке вокруг Александры Федоровны и её «старца». Сам министр иностранных дел – человек, которому по-настоящему доверял Иванов, должен был решать, с кем следует и следует ли с кем делиться информацией, которую приносил ему Алексей Иванович Иванов. Поэтому статский советник подождал, пока Гучков с Милоковым покинут кабинет Сазонова.

Сергей Дмитриевич помимо хронической озабоченности выглядел как человек, достаточно успешно проводивший некую сложную комбинацию. Какую именно, Алексей Иванович мог только предположить, но сейчас его занимало другое. Он хотел предпринять ещё одну попытку убедить министра и через него воздействовать на императора и, главное, командование, с целью превратить демонстрационную подготовку десанта из Одессы на Румелийский полуостров в реальную. Получить необходимые подкрепления, осуществить десант и решительно двинуться на Константинополь.

Сазонов терпеливо выслушал резоны Иванова – отнюдь не главного военного стратега, но человека, располагающего свежей информацией и обладающего изрядным аналитическим умом. О том, что фон Сандерс уже бросил последнюю резервную дивизию против десанта союзников и турки намертво завязли в боях с австралийско-новозеландским корпусом. Что остатки Второй и Третьей турецких армий никоим образом не успеют на защиту столицы Османской империи, даже если оставят позиции в Месопотамии и на Кавказе в день высадки российского десанта и двинутся форсированным маршем через весь Анатолийский полуостров. Что Константинопольская гвардия – защитница Чаталджинских укрепленных линий – далеко ещё не восстановилась после смертельной зимы у Сарыкамыша.

Выслушал и сказал только:

– Алексеев не даст снять с австрийских и немецких фронтов ни четыре, ни даже одной дивизии. Сам знаешь, что там сейчас за обстановка.

– Но Энвер сразу же запросит помощи у своих союзников, – попытался возразить статский советник. – И ему не откажут: и немцы, и австрийцы понимают, что значит овладение Проливами. А значит, им станет не до наступления на восточных фронтах.

– Гладко было на бумаге... Нет, ни Верховный, ни Алексеев не пойдут на такой риск. Тем более что ни болгары в очередной раз, ни греки теперь – нам не друзья. А одни черноморцы...

Алексей Иванов помрачнел и с явным неудовольствием подтвердил:

– Увы, всё так. Бросать в бой одних черноморцев – это авантюра. События 18 марта⁴ все изменили. Турки, сволочи, подняли голову – как же, остановили – то есть вовсю трубят, что победили, – британский флот! А он считался самым мощным оружием нашего времени! И на Галлиполи, если судить по количеству раненых, доставляемых союзниками в госпиталя на Лемнос и Мальту, турки дерутся отчаянно...

С лица Сергея Дмитриевича сошли все следы удовольствия от успеха какой-то дипломатической – а скорее всего, внутривосточной комбинации. С едва ли ни более мрачным, чем обычно, видом он подтвердил:

⁴ В этот день сводный флот Англии и Франции оставил – за полшага до успеха – дальнейшие попытки пройти Дарданельским проливом в Мраморное море и далее к Константинополю.

– Естественно, Энвер и Талаат приписали себе все заслуги. Ещё бы, 18 марта для них – спасение. До этого времени они никогда не чувствовали себя в безопасности, правили изо дня в день, затаив дыхание, – всё ждали если не восстания, то пинка от нового султана, а то и от низложенного, да живучего Абдул Хамида. А тут взлетели на гребень патриотической гордости.

– Даже более того, – невесело согласился статский советник. – Теперь они как бы символизируют самого турка. Или даже собственно ислам.

– А в турецком варианте, – подхватил Сазонов, – ещё и с жадной мести паразитам-иноверцам и высокомерным иностранцам, которые доселе их поучали и помыкали ими...

– Пока что иностранцев особенно не трогают, даже англичан и французов. – Алексей Иванович был детально осведомлён обо всём, что происходит в Константинополе. – Чувствуют каким-то местом, что союзники могут победить в войне. Ограничились тем, что Талаат приказал снять все указатели и вывески на французском и реквизировал пару-тройку автомобилей в посольствах. А вот армян громят со всей восточной дикостью...

Сергей Дмитриевич печально покивал:

– Это совершенно не ново для Востока... и других диктатур. Будем справедливы: почувствовали силу – и сразу приступили к охоте на политических оппонентов и на расово чуждых людей. На иноверцев, прежде всего. Лучший способ выразить свою силу – громить тех, к кому набралась неприязнь в массе. Кто умнее, кто способен всегда перехитрить ленивых, непрактичных турок, кто себя считают выше и образованней мусульман, ближе к европейской цивилизации. Что, в первый раз? Как только, ещё в прошлые века, турки проигрывали войны, так сразу же устраивалась резня. Помните, Алексей Иванович, как в 1894 Абдул Хамид натравил на христиан этих фанатиков, софтов?

– Но почему всё-таки именно армяне? – спросил статский советник, не столько пребывая в неведении, сколько ожидая услышать от умника и опытного дипломата слова в подтверждение собственным мыслям.

– Армяне – христиане. Но ни одно, кроме нас, извечных врагов Порты, иностранное христианское правительство не радеет за них. И были у турок основания считать армян пятой колонной внутри страны, они же злорадствовали при каждой неудаче турок в Балканских войнах. Везде, в каждой деревне и каждом городе, турки им завидовали – и ненавидели их.

Начальник департамента поддержал министра:

– А ещё их вдобавок особенно озлобило, что в недавней кампании на Кавказе армяне переправляли нам информацию о движении и состоянии османских войск и что некоторые парни из Западной Армении переходили границу и вступали в российскую армию. И с подачи Талаата распространились слухи, что армяне прячут оружие с целью поднять восстание...

– Очень жаль, – Сазонов поднялся из кресла и прошёлся по кабинету, время от времени поглядывая то на руководителя разведслужбы МИДа, то на карту юга России, – что в Османской империи пока не видно никого, кто смог бы реально противостоять этим младотуркам с их «революцией».

Мустафа Кемаль (Ататюрк)

Краткая историко-биографическая справка

Будущий маршал и первый президент Турции прославился во время обороны полуострова Галлиполи (Гелибоглу) от десанта англо-французских войск. Мустафа Кемаль командовал к её завершению 16-м армейским корпусом, занимавшим стратегически важный участок.

Союзники решили провести десантную операцию у входа в Дарданеллы со стороны Средиземного моря. В десантный корпус входили английские и французские пехотные дивизии, австралийские и новозеландские войска, три бригады английской морской пехоты и греческий добровольческий легион: всего около 81 тысячи человек при 178 орудиях. С моря его поддерживал союзный флот под командованием адмирала де Робека. В резерве на территории Египта находились английская и две индийские пехотные дивизии.

Турция для защиты пролива Дарданеллы создала сильную группировку войск из 20 дивизий под общим командованием германского генерала Лимана фон Сандерса. Одной из пехотных дивизий на Галлиполийском полуострове командовал полковник Мустафа Кемаль. Высадившийся под мощным артиллерийским прикрытием своих кораблей десант натолкнулся на жёсткую оборону. Несмотря на все усилия и артиллерийскую поддержку с моря, продвинуться от побережья по Галлиполийскому полуострову десантным войскам так и не удалось. За первые дни боев союзники потеряли 18 тысяч человек, продвинувшись вперед всего на километр-полтора.

Когда австралийцы, высадившиеся у мыса Каба-тепе, начали подниматься на господствующую высоту Чунук-байир, полковник Мустафа Кемаль лично повёл в рукопашную схватку пехотный батальон и своим примером увлёк за собой всю дивизию. Австралийцы, потеряв в бою 5 тысяч человек, были отброшены с высот к береговой полосе⁵.

Вскоре Мустафа Кемаль стал первым помощником генерала Лиман фон Сандерса, проявив себя «агрессивным» боевым командиром. И в январе 1916 года жители Стамбула горячо приветствовали героя галлиполийской обороны как спасителя столицы Турции. За проявленную доблесть Мустафа Кемаль получил звание генерал-майора и титул паши и стал быстро продвигаться по служебной лестнице. С 1916 года он последовательно командовал 16-м армейским корпусом в Закавказье, затем 2-й армией на Кавказском фронте и 7-й армией на Палестинско-Сирийском фронте.

⁵ Операция на Галлиполийском полуострове длилась 300 суток. За это время Великобритания потеряла 119,7 тысячи человек, Франция – 26,5, Турция – 185 тысяч человек. Англо-французский флот потерял 6 линейных кораблей, турецкий – один.

Николай Иванов

Ещё несколько шагов к краю пропасти

Они вышли к следующему полудню обратно, на пригорок, чуть возвышавшийся над дорогой. Не все, а за вычетом практически всей полуроты, сгинувшей в неумолчной перестрелке то с немцами, то с древесными призраками сумерек. Капитан Иванов, вахмистр Борщ, подпрапорщик Радецкий (как выяснилось) и ещё два десятка солдат, больше напоминавших полевой лазарет в изгнании, чем строй.

– Та-ак, – первым, естественным образом, пришёл в себя живучий хохол, глянув с пригорка вниз. – И какого, скажите на милость, чёрта мы душу рвали? – в минуту особо возвышенного состояния духа Григорий Борщ отчего-то выражался исключительно по-русски, будто прокламацию читал по слогам.

Капитан Иванов вдруг попятился под белый занавес еловых ветвей, грузнувших под снегом, кивнул вахмистру и потащил за собой оцепеневшего подпрапорщика, по-прежнему обнимавшего трёхлинейку, как единственное весло спасательной шлюпки.

Со двора «почтовой станции», правду сказать, порядком размётанной артиллерией, под дощатый навес ворот с потемневшей иконой Угодника, тянулась колонна...

Нет, уже не солдат, и даже не отступавших солдат, а, определённо, колонна военнопленных. Ни с чем иным этот «крестный ход» безропотного отчаяния не перепутаешь. Тем более что вчерашние уланы в рогатых «пикельхельм» с медными кокардами гарцевали вдоль колонны. Привычно, ленивыми окриками, поторапливали унылое шествие и немецкие пехотинцы в запоздало новомодных «штальхельм».

– Щось забагато наших, – вновь задушевно, на мамкином наречии, прошептал за спиной капитана Григорий. – Не було вчора в дивизии стількиох...

Подмороженная дорога, вьющаяся от ворот, размётанных прямой наводкой в щепу, уже превратилась в весеннее месиво льда и бурой жижи от несчётного количества сбитых сапог и драных ботинок (интендантская служба расстроилась напрочь ещё чёрт-те когда). А всё новые и новые толпы, приблизительно разобранные в шеренги по четыре, исходили из тёмно-угрюмой печали Николая-угодника.

– А это уже и не одна только дивизия, – узнал Николай Иванов приятеля, штабс-капитана Оленева из двухсотого полка с багровым бинтом на разорванном шрапнелью предплечье (а ведь отправлен был в тыл, на эвакуационный пункт). – Это они весь корпус тут прогоняют.

– Як же ж... – возмущённо дёрнул рыжим усом казак, недоумевая.

– Как так? – вдруг не то переспросил, не то выкрикнул с вызовом юный подпрапорщик.

Капитан Иванов даже оглянулся. Никита Радецкий до этого один раз, кажется, только и подал голос. За вычетом того момента, когда чуть ли не шёпотом представился новоназначенному командиру, неловко перехватив верную «мосинку» под левую руку.

– Чёрт! – вскрикнул он вчера в самый разгар боя и девичьи покраснел в ответ на немой вопрос капитана: «Ранили куда?»

Вместо ответа юный подпрапорщик показал на ладони пустую обойму винтовки.

С тех пор и не проронил ни слова – молча как-то разживался патронами у убитых, молча шёл в рукопашную; даже когда вахмистр, взявшийся опекать «хлопчину», всучил ему сухарь, натёртый луком, поблагодарил одним лишь кивком.

А тут...

– Как?! Как, спрашиваете?! – с истерическим надрывом кричал Никита, чуть не во весь голос. – Да они сдались, сдались просто! Вы что, не видите?!

Хрупкие, музыкальной длины, пальцы его дрожали, тыча в голубой просвет между снежными лапами елей.

Капитан перевёл взгляд с перекошенного лица юноши туда, куда тот указывал.

На печную трубу, возвышавшуюся над красным коньком из бельгийской черепицы. К ней была привязана жердь с безвольно обвисшим флагом. Флагом такой белизны, какой могла похвастаться только простынь согнанных войной хозяев дома.

– Сдались, значит, на то приказ был, – жёстко произнёс капитан, враз прекратив едва не случившуюся истерику.

Впрочем, что-то такое Николай и ждал от Никиты Радецкого – уж больно долго тот напоминал заевший граммофон с закрученной донельзя пружиной. Такой ткни только или топни рядом – взвизгнет, замечется грампластинка с истошным ором. А сейчас никак не до того.

Потому что на самом деле так оно и было: третьего дня командир 20-го корпуса генерал П.И. Булгаков вынужден был отдать приказ о прекращении сопротивления...

Кирилл Иванов

Назначение и предназначение

... Чёртов, то есть германский, шпион был отменно подготовлен к наземным операциям. Даже под землю, к секретным кабелям спецсвязи, его команда в своё время сумела добраться. Сумел он перехватить и «Флейту» – задающий валик уникальной системы синхронизации и управления артиллерийским огнём линейного корабля. Сумел и скрытно забраться с этим небольшим, но поистине бесценным грузом и с портфелем искалеченного им же фельдъегеря в пассажирскую нишу графского аэроплана – и приставил револьвер к голове Кирилла, когда они уже были в доброй версте от матушки-земли.

Да вот только не обратил шпион внимания, что в этом аэроплане пассажирская ниша толком не оборудована и ремней безопасности там не имелось. И уж совсем не мог предположить, что пилот, вроде как поняв безвыходность своего положения под прицелом, спокойно наберёт высоту, а затем резко пойдёт на снижение, набирая скорость, затем поведёт аппарат по крутой дуге вверх, так что грозного пассажира сначала прижмёт к спинке сиденья и наконец, когда земля и небо поменяются местами, отправит его в свободный, хоть и недолгий полёт.

Но «Мёртвая петля», она же «Петля Нестерова», заложенная в небе за пять вёрст от Новоглинска, оказалась для потрёпанного графского «таубе» испытанием чрезмерным. Даже избавленный от четырёх с чем-то пудов весу непрошеного пассажира, моноплан уже тянул еле-еле и то и дело норовил клюнуть носом. Мерседесовский мотор чихал и кашлял, а то и вовсе замолкал, но пока что сам и запускался. Кирилл уже поглядывал время от времени на недалёкую землю, выбирая место для посадки, а потом бросал взгляд на карту, прикидывая, сколько ещё осталось до ближайшего аэроклуба.

Но дотянуть до лётного поля всё-таки удалось, вот только мотор уже окончательно заглох в десятке саженей от земли, а планировал «таубе» плохо, так что посадка оказалась непривычно жёсткой для хорошего авиатора, и совсем драматичной – для его самолёта. Прodelав парой часов ранее кульбит, неслыханный для своей аэродинамики и чрезмерный для конструкции, моноплан при посадке попросту развалился. Дважды чиненная стойка шасси сломалась. Ослабленное правое крыло, беззастенчиво отваливаясь, ковырнуло укатанную землю, хрустнуло и завернулось. Аэроплан круто развернуло на уцелевшем колесе, и сила инерции опрокинула его на левый бок. Второе крыло, естественно, тоже не выдержало, треснуло, а лётчика не выбросило из кабины только благодаря прочному ремню.

К давнему шраму над бровью добавилось ещё с полдюжины синяков и ссадин, помяло ребра, но кости, слава богу, остались целы. Сопроводительные документы, орден и вырезка из газеты уцелели в лучшем виде. У Кирилла пострадали руки, ноги, рёбра справа и голова (пока фюзеляж крутило и волокно по лётному полю), но не накладной нагрудный карман с клапаном.

Уцелел и даже не раскрылся (только сургучная печать слегка надкололась) и футляр с «флейтой»; а во второй, «пассажирской» нише фюзеляжа обнаружился простреленный и примятый покорёженным сиденьем, но закрытый на замки жёлтый фельдъегерский портфель. Раскрывать его лейтенант К.И. Иванов не стал сам и никому из аэроклубовских не позволил: «Государственная военная тайна, ни-ни!»

Благодаря грозным начальственным предписаниям инцидент завершился не наилучшим, но вполне приемлемым образом. Нового аэроплана лейтенанту Иванову не дали, да и что давать – в аэроклубе после армейских реквизиций оставались только три машины, соревнуясь в антикварной ценности, но не в пригодности к полётам. И только четвёртая машина, «Нью-пор-Анатра», была на крыле, но обслуживала экстренную почту.

На этой-то «анатре», вполне сносно детище военного времени и Симферопольского авиационного завода, принадлежащего обрусевшему греку-фабриканту и названного его же именем, его, Кирилла то есть, и доставили в Харьков.

Там базировался учебный авиаотряд – и без проблем, всего-то за три часа, «лейтенант с секретным грузом» оказался в Екатеринославе.

А там ожидала счастливая оказия: в итоге переговоров и телеграмм, прошедших за время от первого звонка в Петроград (дяде), лейтенанту Императорского воздушного флота К.И. Иванову был выделен вполне пригодный к полётам «сопвич» из службы связи Южного округа. И выдано предписание: сдать «две единицы груза» в жандармском управлении Николаева в ответ на условный вопрос: «Как здоровье дядюшки?» И далее следовать в Севастополь, с дозаправкой в Армянском базаре.

Верфи Николаевских судостроительных заводов с их многочисленными кранами, доки и не такие уж большие – если смотреть с отдаления и сверху, – корпуса строящихся кораблей, один из которых и есть «Императрица Мария», Вадим увидел, выворачивая «сопвич» к лётному полю. Увидел, закладывая плавный вираж, этот линкор-дредноут, для которого было придумано и сотворено умельцем-одиночкой (не первым и, слава богу, не последним на Руси), новое устройство для централизованной синхронизации и управления огнём. Уникальное устройство, из-за которого разгорелись смертельные для многих шпионские страсти.

Там же, на верфях «Руссуда» и «Наваля», наверняка было ещё немало интересного, но время для экскурсий было никак не подходящим, да и служба не могла ждать. Так что всего-то на третий день лейтенант Императорского военно-воздушного флота Кирилл Иванов посадил «сопвич» на грунтовом аэродроме у Херсонеса и отправился на присланном авто-кабриолете к своим, в авиаотряд в Круглой бухте.

Прямо у ворот его встретили капитан (уже капитан!) Стахов и прапорщик (уже прапорщик) Лука.

Поздоровались, обнялись – и тут-то капитан Стахов и сообщил, что заготовлен приказ о назначении лейтенанта К.И. Иванова, с присвоением последнему очередного звания, начальником авиационной службы связи Черноморского флота.

– А летать? – только и спросил Кирилл, мгновенно припомнив, сколько раз за время их знакомства сам Стахов поднимал аэроплан в небо.

Пока капитан медлил с ответом, очевидно пытаясь вспомнить, три или всё-таки два раза брался за ручку управления, а не ёрзал на пассажирском сиденье, Кирилл повернулся к прапорщику:

– А что, Лука, переставим «сопвич» на поплавки? Машинка ничего, получше нашей старушки фаворитки будет, – имея в виду свой прежний многострадальный «F.A.V».

Хроника военных действий

Северо-западный фронт

...Фронт 10-й армии был прорван силами, подошедшими из Франции. И хотя взять её в клещи, как планировал фельдмаршал фон Гинденбург, не удалось, положение русских войск оказалось аховое. Да, упорное сопротивление наших левофланговых корпусов, особенно 3-го Сибирского генерала Радкевича, на участке Лык – Райгород задержало продвижение 8-й германской армии. Но поскольку правофланговый 2-й Сибирский корпус оказался менее стойким, его командующий генерал Епанчин вынужден был приказывать отступать под натиском превосходящих сил, обнажая тем самым фланг соседнего 20-го корпуса генерала Булгакова. В результате этот корпус (40 тысяч человек), замешкавшийся с отходом, попал под сосредоточенный удар двух немецких армий в районе Августова и был окружён.

В течение десяти дней 20-й корпус, непрерывно контратакуя и пытаясь вырваться из окружения к Гродненской крепости, отбивал в заснеженных Августовских лесах атаки германских войск, втрое превосходивших его численностью и неведь на сколько – вооружением, мешая им развивать дальнейшее наступление. Но после ожесточённых боёв, подчистую израсходовав боеприпасы, корпус генерала Булгакова вынужден был всё-таки сдаться. Впрочем, несколько частей всё же смогли вырваться из окружения и пробиться к своим.

«Честь XX корпуса русских была спасена, и цена этого спасения – 7000 убитых, которые пали в атаке в один только день битвы на пространстве всего 2-х километров, найдя здесь геройскую смерть! Попытка прорваться была полнейшее безумие, но святое безумие – героизм, которое показало русского воина в лучшем его свете, которого мы знаем со времён Скобелева, времён штурма Плевны, битв на Кавказе и штурма Варшавы! Русский солдат умеет сражаться очень хорошо, он переносит всякие лишения и способен быть стойким, даже если неминуема при этом и верная смерть!» – так писал об этом военный корреспондент немецкой еженедельной газеты Рольф Брандт.

Николай Иванов

Без выбора

– То що робыты будемо?.. – поддержав за локоть подпрапорщика и убедившись, что припадка у Никиты уже не случится, спросил вахмистр, доставая из-за пазухи куцега тулупчика кисет.

Честно говоря, ответа на этот вопрос, что впору назвать сакраментальным (ибо вопрос, как ни крути, вопрос выбора), у капитана Иванова не было.

Собственно, приказа о сдаче в плен им никто не отдавал. И уставом пехотным ни бегство с поля боя, ни сдача в плен не предусмотрены, если только не прочитать в таком смысле «воинскую смекалку», которую положено в бою проявлять. Последний же полученный прямо приказ они выполнили как должно. Израсходовав все возможности – до последнего патрона и до последних сил идти врукопашную, противника на просеке они задержали. Вот только и они, русские, и немцы, что расшибали лбы, чтобы пройти по их трупам на заброшенном тракте, оказывается, упирались напрасно. Где-то стороной, другими тропами и другими дорогами, прошли решающие силы и события. Где-то в другом месте приняты были судьбоносные решения. А они и их враги почём зря остались коченеть в заснеженном лесу, тотчас же обретшем перевозданное умиротворение. Хоть и дымилась до сих пор рыжая прошлогодняя хвоя в прогалинах, мокрых от гранатных разрывов.

«И не будет ни вечной памяти на поминках, ни даже упоминания в статистике. И сын твой не станет играть в геройскую смерть отца, упорно отказываясь от волшебного врачевания игрушечным шприцем», – как-то само собой подытожило в голове Николая нередкое в последнее время «прозрение будущего».

Будто вживую увидел, как он сейчас даст команду:

– Кто хочет с остальными... – Капитан Иванов, не глядя, кивнул в сторону серой колонны, змеящейся снежным тоннелем еловых лап, и продолжил: – Разделить, так сказать, участь, – препятствовать не буду. Попрошу только взять на себя заботу о раненых, они сдаются безоговорочно, поскольку нам их не унести. И ещё попрошу чуть повременить со сдачей, чтобы дать подальше уйти тем, кто захочет попытать счастья.

– Щастя? – конспиративно разогнав ладонью клубок табачного дыма, вахмистр Борщ с сомнением покосился назад, в лесную глушь, совсем недавно бывшую вполне себе достойным предбанником пекла.

– Пробраться к действующей армии, – уточнил капитан, уже сосредоточившись на подсчёте патронов в барабане нагана. – Не все же части сдались. Вон, слышно.

Он хотел было обратить внимание товарищей на гул далёкой канонады, чуть слышный уже, но ещё вполне отчетливый. Но близкий треск валежника, гортанная перекличка и особо звонкий в лесу лязг затворов заставили всех обернуться, а кое-кого невольно попятиться от леса к краю пригорка.

– Хальт!

Физиономия под серой холстиной, намотанной на рогатую каску, была не так уж и решительна, но её уверенности всё же хватало, чтобы требовательно махать плоским, как нож, штыком:

– Хэнде хох!

Григорий Борщ, как назло смотревший хоть и в лес, но в другую сторону, даже не обернулся. Только смачно сплюнул размокшую «козью ножку», свёрнутую как раз из листовки, прельщающей на ломаном русском: «Горячий еда и 50 gm водки».

Подпрапорщик поднял руки, так и не выпустив верной трёхлинейки.

Немцы, а их уже через мгновение была чёртова дюжина, загалдели наперебой и явно что вразнойбой.

– Кулемёта сами попрэтэ? – терпеливо переждав крикливую пантомиму, поинтересовался у немцев вахмистр Борщ.

Его жест в сторону «максима», уныло понурившегося стволом в снег, вызвал у немцев новый прилив глухонемого красноречия, так что вахмистр только устало закатил выпуклые чёрные глаза.

Капитан же Иванов молча отбросил револьвер, но так, что кургузый «командирский» наган провалился бог весть куда под валежник, заметённый снегом...

Кира Иванова

Знание и признание

– Папа́, – с ударением на второй слог спросила Кира у профессора-антрополога. – Вы действительно мой па́па? – С ударением на первый слог.

Профессор поднял глаза, близоруко прищурился и какое-то время всматривался в лицо приёмной дочери, будто во что-то новое и незнакомое.

Впрочем, Кира обладала поразительной способностью менять и комбинировать наряды, причёски и макияж, причём с такою частотой и таким радикализмом, что её утреннюю не сразу можно было опознать в полдень, – если не всматриваться в лицо, конечно.

– Дитя моё, – в конце концов отозвался профессор Иванов, – что за странные мысли посещают твою прелестную, да ещё и причёсанную на японский манер головку?

– Да вот, посмотрелась внимательно в зеркало, – невинно изрекла Кира. – Когда сие азиатское сооружение на голове выстраивала посредством маменькиного парика. Теперь ведь японцы наши союзники, не правда ли?

– Да, присоединилась Страна восходящего солнца к Антанте, – кивнул профессор и снова обратился к манускрипту, полагая разговор завершённым.

Но Кира оказалась преисполнена решимости учинить ему форменный допрос.

– Дядя сказал, что моя мама (с ударением на втором слоге) – натуральная азиатка. Чуть ли не из Чингизидов.

– Странно. – Профессор даже манускрипт отодвинул. – Откуда это у Алексея такие фантазии? Приличный же человек...

– Ну, о Чингизидах – это я сама предположила, – созналась Кира. – Но Алексей Иванович сказал, что вы меня привезли из экспедиции, откуда-то из Центральной Азии. И Варя подтверждает...

– Разве это секрет? – поморщился, как от кислоты, профессор. – Да, привёз – не бросать же сиротой в глуши и дичи. Что, только сейчас решила разобраться в генеалогии? Кстати, твоя природная мама – отнюдь не монгольских корней. Хотя и сам Темучин, по ряду свидетельств, то ли не совсем монгол был, то ли совсем не монгол.

– А она, то есть мама, жива?..

– Увы. Эпидемии там всё ещё не редкость.

– Так у вас был с нею р-роман?

Иван Иванович бросил на неё взгляд – из тех, которыми он усмирлял мздоимство даже в мыслях чиновников, призванных обеспечить прохождение экспедиций, и более того: напрочь усмирлял буйных студиозусов, вздумавших затеять на его лекции вредную политическую дискуссию.

– Не надо оскорблять память Елизаветы Константиновны. Я ей даже в помыслах не смел...

Карий взгляд Киры как-то странно остекленел.

В кабинете С.Д. Сазонова

– Что известно об эвакуации союзных войск с того злосчастного полуострова? – спросил Сергей Дмитриевич, едва статский советник Иванов притворил за собою двустворчатые двери министерского кабинета.

Алексей Иванович ответил с некоторым удивлением:

– Я же вчера подавал вам сводку донесений с Лемноса и Мальты. За истекшие сутки ничего существенного не поступало. Разве что сообщение нашего конфиденнта, капитана греческого пассажирского парохода, нанятого британцами для скорейшей эвакуации, что не было никакого противодействия со стороны турок. Никакого.

– Вот именно. Вот именно! – Сазонов будто бы даже слегка обрадовался подтверждению каких-то своих мыслей. – А ведь знают, что выведенные отряды союзников сразу же направляются в Месопотамию, то есть против них, и на Балканы – теснить австрийцев... Их союзников.

– Полагаю, турок больше воодушевляет, что можно перебросить свои хорошо подготовленные и обстрелянные дивизии на Кавказский фронт. Но сам факт провала Галлиполийской операции вас не слишком удивляет?

– Не слишком. Ещё когда их доблестное командование их доблестным флотом отказалось сделать последнее усилие и, хоть ценой потерь, прорвать турецкие укрепления в узости пролива, у Нэрроуза, выйти в Мраморное море и к Константинополю, и выиграть тем самым войну, я сказал Бьюкенену, что теперь будет много крови, а победа придёт не скоро.

– Эту вашу фразу британский посол процитировал. В несколько измененном виде её упомянула и «Таймс». Но позже, когда потери английских войск на полуострове достигли удручающих сотен тысяч...

– Мне сразу стало понятно, что союзники, начиная подступ к Константинополю с узкого Дарданелльского полуострова, не добьются никаких результатов. – Было заметно, что в очередной раз подтвердившаяся способность к предвидению совсем не радует министра Сазонова. – Укрепления проливов, Галлиполийского полуострова и самой столицы, находившиеся давно в ведении немцев, за время войны приведены в состояние полной исправности и значительно усилены. Но как у человека невоенного, у меня на этот предмет не могло быть авторитетного мнения. Одни впечатления...

Алексей Иванович счёл возможным вставить реплику:

– Не впечатления, а весьма разумные опасения. И как на это отреагировали послы?

– Впечатления или опасения, как угодно... Не на что было реагировать: я не сказал ни Бьюкенену, ни Палеологу ни слова, да и вообще никому своих опасений не навязывал. И что бы это изменило? И кстати, хотя Галлипольская экспедиция не разрешила своей главной задачи, она тем не менее оттянула немалую часть турецких сил от нашей границы и этим способствовала беспрерывным военным успехам, подчинившим нам всю северо-восточную часть Малой Азии.

Статский советник Иванов чрезвычайно редко позволял себе выказывать своё отношение к словам министра иностранных дел, если вопросы не касались непосредственно разведывательной работы. Но здесь он не выдержал:

– Турки не смогли бы вовремя перебросить большие силы из европейской части – с их-то транспортными возможностями. Так что прямая польза для нас от провала флотской и десантной операций союзников сомнительна. Хоть и ожидаема: большой десант при отсутствии базы, которая позволила бы союзникам развернуть свои силы, – почти безнадежная затея.

– Увы, всё так, – согласился Сергей Дмитриевич. – Для России неудача Галлипольской экспедиции стала в целом большим бедствием. Последствий этой неудачи мы, полагаю, не в состоянии исправить собственными силами.

- Вы о транспортном обеспечении?
- И о нём тоже. Помимо этого Главная квартира требует отправлять на наш Западный фронт все военные части, кроме настоятельно необходимых для удержания наших завоеваний в Малой Азии и для дальнейшего продвижения в пределах Азиатской Турции.

Василий Иванов

«Кинжал и роза»

Гоголем в гулких коридорах Дерябинских казарм Ваське-Варягу (тут чаще, чем где-нибудь, звучала его кличка) походить как-то не довелось. Класс его выпустили досрочно, хоть и на малое время, но как раз, чтобы кольнула иголкой «Георгиевской звезды» сердце Василия какая-то бессмысленная обида: «Эх, как бы ироничен был мой взгляд на блестящие кортики однокашников, мичманов свежей выпечки. С моей-то боевой наградой, самой что ни на есть солдатской, какое сравнение? Тут же суровая окопная правда...»

Он до такой степени измучил старшую сестрицу Варвару, что как-то, клюя носом в пустую («кажется, десятую уже?») чайную чашку за очередным полуночным рассказом героя об этой самой («чтоб её прах побрал!») окопной правде, вдруг подумала Варя: «Надо ему невесту найти, пусть её мучает. Прямо хоть ему легендарную Нелидову из Севастополя выпишывай...»

И тут на вручение мичманского кортика прибыла...

Вручение, увы, прошло без особой помпы, но зато не на плацу училища, а в собственном кабинете генерал-квартирмейстера Кронштадта. Наслышан был «чёрный» генерал – знамо от кого! – о геройстве этакого «морского пехотинца» и, как морской чиновник первого класса, право имел.

Нет, прибыла Нелидова не собственно на вручение, что было бы невозможно в морской крепости первого класса и генеральском кабинете, а прямо на Дворцовую набережную, куда, бороздя серую невскую рябь, прибежал паровой катерок с Андреевским флагом. Пришла сама, хоть и не в одиночку, а с Варварой Ивановой. И теперь нервно как-то поглаживала белой кружевной перчаткой красный гранит парапета.

Сама Нина Нелидова! Та самая соседка по даче, к которой, когда та была ещё гимназисткой младших классов, они – Васька и Мишка – поклялись не приближаться и не отзываться, даже если позовёт (протокол героико-спасательных исключений прилагался), дабы не разрушать суровой мужской дружбы и товарищества.

Каким чудом Васька не свалился за борт катерка – он сам не понял, но вполне взял себя в руки, пока сошёл на берег, и сказал, чётко бросив двуперстие к козырьку:

– А меня в ногу ранили...

– Боже! – уставилась на его ногу Нелидова из-под чёрной вуалетки.

Впрочем, не на ту.

– И в руку, – тотчас подсказала находчивая Варя.

– И в руку, – как-то не сразу подтвердил мичман Василий Иванов (младший), утирая двуперстием обильный пот под козырьком...

И даже простил Нелидовой вечером, когда уже они вместе пошли в «Крео» на фильму «Кинжал и роза», то, что «кинжал» (суть, морской кортик) Нелидова находила куда более романтичным, чем его невзрачную «розу». А «роза» – то – петличный знак георгиевского кавалера!

Времени, чтобы прояснить девушке сиё простодушное заблуждение, у мичмана было немного. Согласно предписанию его ждали Севастополь и Черноморский флот, служба в Минном отряде. Как бы не под началом старшего брата.

Перевод был как раз в компетенции генерала, Кронштадтского знакомого дядюшки Алексея Ивановича, но Васька об этой «странности» счастливо не знал.

А вот с переездом всё оказалось не так просто и не так скоро...

Как-то раз, и весьма некстати, пожаловал мичман Василий Иванович Иванов на Сенатскую, в кабинет дядюшки, Алексея Ивановича, статского советника.

А там проходило небольшое совещание несколько не по профилю дипломатической разведки, но, впрочем, кто может точно сказать, что нужно, а что нет разведчику, озабоченному судьбами отечества?

И услышал вдруг Василий Иванов, новорождённый мичман, нечто для его оттопыренных ушей не предназначенное, хотя в принципе и не должен был слышать, и напротив, должен был «глухой тетерей» прикинуться. Тем более что и дядя Алексей Иванович, статский советник и, как Васёке мечталось (и небезосновательно), «серый кардинал» русской дипломатической разведки, выставил, как положено, племянника за дверь с приходом фельдъегеря из «Морского технического комитета».

Трудно сказать, не был ли завербован здешний кот британской разведкой, что было бы даже понятно, исходя из самого его имени Уинстон. Точными сведениями никто в министерстве не располагал, хоть и видели неоднократно, как предательски он трётся о ноги посла Его Величества мистера Бьюкенена, нередкого гостя в МИДе. Но за фотосъёмкой секретных документов никто его (раскормленного чёрного кота) никогда не заставлял. Лежит себе, бывало, на самых что ни есть «top secret» и ухом не ведёт, только жмурится хитро зелёным глазом.

Так что наверняка без всяких таких иудиных побуждений отворил министерский котище тяжёлую дубовую дверь дворцовой высоты – а что ему, откормленному на довоенных деликатесах, та дверь?

Открыл и прошествовал в кабинет, задрав хвост паровозной трубой, что твой литерный, невзирая на все предубеждения военной поры и всякую там конфиденциальность.

А Васёка подле образовавшейся щели воленс-ноленс услышал:

– Постановка мин подводным заградителем не станет уже, конечно, сюрпризом для немцев, как прежде, – философски заметил дядюшка, шуруша картами.

– Да они и тогда не сильно-то удивились, – ворчливо возразил кто-то, Васёке незнакомый, из Морского ведомства. – И мины повсплывали после шторма, обозначив постановку.

– ...И знали уже, что есть у нас такое чудо-юдо, что может тишком мины метать не в воду, а из воды, – нехотя поддакнул статский советник и даже добавил справедливости ради: – Знали-то ещё с момента закладки на «Навале». Быстро всё из Николаева до Берлина дотекает. Но я сейчас не об этом...

Алексей Иванович задумчиво убрал огромную чёрную кляксу кота с чертежа:

– Ну, не вышло большого фурора из подводного минного заградителя...

– Единственного в мире на сей момент, – ревниво вставил представитель Морского ведомства.

– Единственного, да, – рассеянно повторил статский советник. – И это важно. Потому что некоторые достоинства «Краба» по-прежнему остаются уникальными...

– «Краба»? – зажглось в мозгу мичмана Иванова вспышкой тревожной сигнализации. – Ну да. Подводный минный заградитель «Краб», коим так восторгался в классе «судовой механики» лейтенант Шлёгель...»

Тут и накрыла Васёку волна романтическая, окунула под воду с кипенью белых пузырей. И ведь нельзя сказать, чтобы не видал он до сего момента подводных лодок. Да сколько угодно. И с Малахова кургана в Севастополе видел, как греются на солнышке серебристые железные рыбины в доках «Ремонтного завода». И в Кронштадте на верфи видел. И вроде не было уже детского самообмана, что бродят эти дивные «аппараты» по подводным кладбищам кораблей в поисках сундуков, что плывут в зелёном небе древних, затонувших при Потопе ещё городов, что сражаются среди коралловых рифов с химерами бездны. Знал уже, что плавание в подводной лодке сродни сидению под арестом, причём в машинном отделении. Но вот сейчас

услышал он в словах Алексея Ивановича, словно нотку охотничьего манка, шёпот большой шпионской загадки:

– Габариты этого судна – словно нарочно для тайного проникновения, – задумчиво произнёс «серый кардинал» политической разведки, в очередной раз убирая нагло котюру с чертежа. – Шило такое, понимаешь, для любого мешка. Компактные размеры.

... И будто ведомый этим манком как на заклятие, сунул новоиспечённый мичман Иванов лохматую головёшку самым несолидным образом в дверь и доложил:

– Я тоже. Весьма. Компактен.

И покраснел до удушья.

Оттого, что выходка вышла донельзя детская, или оттого, что, и впрямь: что правда – то правда. Даже Нина на матушкиных «японских котурнах» по моде 905-го года, вынуждена была сдвинуть Васькину фуражку ему на затылок, чтоб одарить на именины обещанным поцелуем, а то козырёк ей как раз в нос приходился...

– Ну-ка, господин мичман, – строго посмотрел на племянника статский советник, ещё раз сняв с чертежа огромную чёрную кляксу кота. – Потрудитесь-ка засунуть обрзину вспять.

Секретари Алексея Ивановича, Василий и Базиль, помогли тёзке вернуться восвояси, то есть в приёмную. А он хоть и не упорствовал особо, но почитал своим долгом принести извинения. «Из сугубого патриотизма», мол, – и в результате вышла некоторая толкотня и суматоха.

В ответ на немое изумление собеседника, статский советник пожал плечами:

– Да нет. Ни во что «эдакое» этот малец у меня не посвящён. Но есть у него талант ли особый или такое особое проклятье, – вздохнул Алексей Иванович, уже с некоторым раздражением снимая с чертежа малопонятным образом вновь материализовавшегося там кота. – Иной раз мне боязно его за дверь одного выпустить, непременно вляпается в какую-нибудь историю. Может, как раз потому, что не посвящён...

– И что, ты, правда, готов ради «Краба» застрять ещё без малого на полгода в Питере? – недоверчиво переспросил статский советник племянника несколько позже, и как будто ни с того ни с сего. В театральной ложе Мариинки на «Пиковой даме». Понятное дело, что прибыл туда мичман по просьбе Нины Нелидовой. А дядюшка с удовольствием увязался за молодёжью.

– А что, можно?! – наконец-то оживился и Василий, загорелась шальная искорка в серых глазах. Впрочем, тут же и потухла: – Да как теперь? Уже и предписание есть к Вадиму на миноносце. Да и что мне, «палубному», под водой делать? Это я сгоряча...

– Ну что под водой делать, тому тебя в Водолазной школе обучат, – снисходительно хмыкнул статский советник и упреждающе поднял пухлую ладошку: – Можно, можно устроить. Как раз дополнительный набор идёт с экипажей. Курсы, должен сказать, не ускоренные. Большая нужда в подготовленных специалистах. Так что застрянешь в Питере до весны.

Теперь уже не только глаза, но и примечательные «ивановские» уши Васькины вспыхнули, зарделись: «До весны!» Тут же примерещились румяные Ниночкины щёчки в белом меху боа. Рождественские гуляния на Марсовом поле! Пролётка на полозьях. Снежки. Жарко приоткрытые губы и мелкие зубки-жемчужинки...

И конечно, не был бы дядя Лёша истинным Ивановым, чтобы не уточнить со свойственным всем Ивановым фамильным прямотушием, граничащим с беспардонностью:

– А не зазноба ли твоя Таврическая такому твоему энтузиазму виной?.. – и чуть заметно кивнул он на классический профиль девицы Нелидовой, конспиративно почёсывая седеющую бровь.

Васька вздрогнул.

– Слышал я, она теперь питерская стала, – откровенно залюбовался Алексей Иванович восторгом, выписанным на лице девушки с такой детальностью, что не только приспущенные

ресницы на бледных скулах, но даже морковный кончик языка, забытый с детской непосредственностью снаружи, были такими очаровательными – хоть сейчас в портретную рамку. – Так, может, потому и не рвёшься в Севастополь уже? Без неё на берегу там не то будет. Тоскливо.

Васька покраснел до одури, как застигнутый врасплох при разглядывании срамных «окопных Джоконд» в офицерском блиндаже.

– Нет, что вы, дядя Лёша! Мне, правда, интересно в подводную лодку. Секретную...

Барвара

Красные драпри

Барвару ждали – впрочем, только со слов самозванной гадалки Глаши, подозрительно долго хмурившейся на замусоленные карты, – пустые заботы и зряшные хлопоты, что, наверное, было как-то связано с неким поручиком самокатной роты.

Находившийся в тылу на излечении, он, поручик, почему-то часто попадался на глаза Барваре в рабочей школе на Литейном. Там, где она теперь «приносила пользу», сагитированная другими курсистками.

Странно, что *rara* этого не одобрял, хоть и молчаливо, явно же не препятствовал.

Да и поручик, глядя тёмно и как-то по-блоковски тягостно, всё больше помалкивал, но от этого только внутри всё само собой умолкало, будто готовясь услышать несказанное... или несказуемое? Будто самое время готовилось что-то сказать Барваре, прежде чем не то впустить, не то втолкнуть её в незнакомую комнату их старого дома, бог весть откуда взявшуюся.

В комнату с красными арабесками на стенах.

Красными арабесками вместо знакомого, привычного рисунка обоев.

И этот сон возвращался всё чаще...

Черноморская хроника

3 апреля 1915 года. В связи с появлением линейного крейсера «Гебен» и крейсера «Бреслау» в виду у Севастополя Черноморский флот вышел в море. Состав: линейные корабли «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три святителя», «Ростислав», крейсера «Память Меркурия» и «Кагул», четыре морских тральщика и один вспомогательный крейсер. 8 миноносцев были высланы ранее, чтобы следить за противником. «Бреслау» попытался отогнать их, завязалась энергичная перестрелка. Тем временем крейсер «Память Меркурия», опередив броненосную эскадру, приблизился к акватории первого боевого столкновения.

Увидев крейсер «Память Меркурия», «Гебен» повернул на него и с дистанции 130 кабельтовых открыл огонь из орудий главного калибра. Но снаряды первых залпов легли с большим недолётом. Дистанция между кораблями сокращалась, но тут наблюдатели «Гебена» обнаружили приближение новых кораблей и опознали русские линкоры. Немецко-турецкий линейный крейсер немедленно повернул и, держась вне дальности артиллерийского огня эскадры, начал уходить на юг. «Бреслау» ещё продолжал сближение с русскими кораблями, но, когда «Пантелеймон» сделал по нему несколько выстрелов, тоже развернулся и полным ходом пошел к югу.

Черноморский флот, отпустив тральщики в Севастополь, преследовал противника до темноты. Миноносцами был предпринят ночной поиск «Гебена» с целью его атаки, но линейный крейсер ушёл в Босфор.

Василий Иванов

Петроград. Май 1915-го

Нина опаздывала. Васька вновь с сожалением оглянулся на чёрную вывеску, где даже для Петроградской строгости в тоне рекламы как-то уж очень вызывающе и лихо плясали буквы «Квасная» и пузырилась глазурированная пена из кружки-бочонка. Даже повеяло, кажется, полетному ледяной медовухой...

А то уж сил нет в кителе, хоть и в белом береговом, как в панцире, да с парадными перчатками. И палит же как! Слово Невский – эту беспрестанно шуршащую афишу с новостями да объявлениями – кто-то поджигает огромной радужной лупой солнца...

А Нина опаздывала, что не было ново и уже не вызывало ни страшных сомнений: «Наскучил?», ни припадков необъяснимой ревности: «Скопин, подлец, грозил, что уведёт! А ему-то раз плюнуть, хлыщу...»

Мичман Иванов, не выдержав, скинул фуражку в белом чехле, обмахнулся ею как веером: «Словно мадам какая в партере...»

Собственно говоря, в последние годы – а применительно к прожитому мичманом Ивановым это будет год, много два – рыцарская преданность девице Нелидовой была больше ритуалом. Или даже продолжением детской игры, когда он и севастопольский его товарищ Мишка – двое влюблённых друзей – сидели на старинном тутовнике, наблюдая за розовым мотыльком, порхающим в соседском розарии, и понимающе переглядывались: «И создаёт же природа подобное великолепие?!» Сидели мёртво, как столбняком хваченные, – боялись обнаружить свой преступный дозор. Moveton: «Бог весть, что подумать можно!» А уж выдать на смех сестре клятвенный уговор: «Хранить преданность Прекрасной Даме, по-товарищески разделяя страдание, но не деля её ответных чувств, кому бы те ни достались», – этого невозможно представить! Лучше уж им с Мишкой с тутовника того головой вниз... Страшная тайна! Вот и сидели, точно в театральной ложе, горячо обсуждая игру актрисы. При случае посылая знаки внимания через отходящую доску забора: то яблоком самым спелым, то самой красивой бабочкой, припильенной к щепе, но за кулисы «личных отношений» – ни шагу! Суровая мужская дружба, знаете ли: ни-ни.

Однако, ёрзая на морщинистой коре, будто на шкуре дракона, что угрожающе нависал над соседской лужайкой, Васька частенько ловил себя на особенных мыслях, вроде таких: «Вот, ей-богу, трудно сознаться даже самому себе, чего больше хотелось бы, оживи вдруг этот “древесный дракон”? Стать великим героем, вроде “мистера Zero” из кинематографа, да и спасти от деревянного монстра красавицу – заслонить собой, укрыть, прижав к груди золотистый виток локона на виске? Или, напротив, оказаться хозяином чудища и выкрасть девицу без спросу в неразделимую собственность (чтобы опять-таки прижать к груди тот золотистый локон)?»

К счастью, приходило время Ниночке пить молоко перед полуденным сном, и розовое видение исчезало за дверями веранды, тихое и лёгкое, как дыхание Васькино, которое она уносила с собой.

– Айда на море, – почти одновременно вздыхали товарищи по несчастью.

«В любом случае, хорошо было бы, – думал Васька, падая с последней, у земли, ветки, – чтобы от дыхания дракона или, на худой конец, от керосиновой лампы дом со всеми Нелидовыми сгорел дотла...»

Дочь губернского секретаря казалась куда более доступной в качестве несчастной и бездомной сироты. Стыдно, конечно, даже понарошку желать смерти, в общем-то, вполне приличным людям. Но, чёрт возьми, сколько открывалось возможностей для скромного великодушия героя? Дескать: «Мне ничего не надо от вас, лишь бы...»

Далее, правда, следовал список «лишку», больше похожий на преискурант кондитерской «Petit-Grande» – столько празднично-преждевременных сладостей, что Васька даже краснел.

Ещё года два назад краснел. Потом перестал в силу возраста. Теперь вот снова...

Проспект шумит, как оркестровая яма перед началом акта, а Ваське уж кажется, что он слышит сквозь какофонию автомобильных гудков, скрипа рессор экипажей, железного стыка-стука конки, воплей газетчика и брань лоточника, сквозь просто необъяснимый и невнятный гул улицы. Казалось, что слышит, как *она* чуть ахает, увидев, как кошка шарахается из-под колёс «Benz-a» под колёса извозчика! Да, *её* это приключение ничуть и не касается, *она* вообще на другой стороне. Но надо знать, сколь тонко устроена душа Нины Нелидовой. Это, пожалуй, посложнее будет «синхронизатора артиллерийской стрельбы линейного корабля»!

И снова кроважидное воображение Васькино начинало рисовать картины того, как горит дом губернского секретаря, даруя его пассивной сиротскую волю – теперь, уже, правда, не сева-стопольский дом горит синим пламенем, а петроградский, на Второй Васильевской линии.

Вот ведь ирония судьбы. Не так давно ещё он радовался этому открытию: оказывается, буквально накануне войны, озаботившись переводом по ведомству в столицу, губернский секретарь Нелидов снял на Второй линии апартаменты – а теперь уж и это не то и не этак. Сегодня ведь, ровно к 17.30, Василию следовало вернуть барышню Нелидову в дом на Васильевском. Вернуть под присмотр не то всё ещё няньки, не то уже компаньонки Эльзы Карловны. Хорошо хоть компаньонка была вполне себе... э... «компанейской» (рабочий каламбур). И если упрямить приятелей развлечься её обществом до конца вечернего сеанса в «Эрмитаже», то присмотр становился совсем уж приблизительным.

Одно только плохо – уже в третий раз упрямить на такой подвиг мало кого получалось. Магическое, как комбинированная съёмка в том же синематографе, превращение чопорной «Карлы» в «малышку Элли» (а её шестипудовая матрона становилась уже после третьей стопки спирта, тайком добавленного в сидр) – было не так уж и захватывающе. Репертуар «малышки Элли» не блистал разнообразием и скорее был смелой фантазией сдобной, но несъедобной дочери остзейского пекаря.

Впрочем, сегодняшняя вечер была важна настолько, что скрепя сердце товарищи Василия «из холостых» безоговорочно согласились на любые жертвы – но только до начала дежурства «Деточки».

«Деточкой» или «Классной дамой» курсанты Петроградской водолазной школы называли отставного прапорщика береговой артиллерии Давыдова.

Дослужившийся до своего звания исключительно унтерской заботой о нижних чинах, старик Давыдов, как ни странно, ничуть не проникся известным «боцманским» зверством. Напротив, взлелеял в себе чувства вполне отцовские – оттого и называл равно и безусых кадетов, и матёрых волонтеров по призыву с корабельных экипажей «деточками». А если прибавить, что в окружении текущих и будущих «морских волков» он, пожалуй, единственный, кто к морю относился через визир крепостной артиллерии, – то и обречён был быть объектом для шуток. Но, что парадоксально, со временем слушаться прапорщика, ответственного за каптёрское довольствие и дисциплину личного состава школы, начинали все и равно безоговорочно – видимо, давало обращение «деточка» неожиданный педагогический эффект...

В ведении строгого «Деточки» было отмечать увольнительные листы на пороге Дерябинских казарм. Так что немного сегодня оставалось времени у Василия, чтобы самым решительным образом объявить Нелидовой:

– Духота, как в машинном!

Нина, вполне уже привыкшая к загадкам морской и корабельной терминологии, уловила только, что в данном случае это часть не лирическая, а климатическая сугубо, всё же «сделала губки». Спихватившись, мичман Иванов скинул с вихрастой макушки фуражку и отбросил её жестом более-менее поэтическим:

– Ну, ты сегодня!..

Нина посмотрела вопросительно и выжидающе.

«Как её, к чёрту...» – мучительно поморщился Васька, припоминая скульптуру из Летнего сада, вокруг которой Нина в своё время кружила этакой учительницей с указкой на Васькину художественную малограмотность.

– Наяда! – выпалил он, пуча глаза, как на экзамене (то бишь решимостью заменяя твёрдость знания).

И вздохнул с облегчением – Ниночка снисходительно улыбнулась, обнажив белые редкие зубки:

– Какая прелесть. – Нина милостиво просунула ладошку под локоть молодого мичмана. – Особенно если учесть, что в прошлый раз ты меня Тритоном попотчевал. Ах, Васенька, – тут же продолжила она без остановки, – как ты думаешь бороздить морские пучины, когда ничуть не ориентируешься в мифических обитателях моря? А ну как ты выйдешь глухой ночью на этот капитанский свой мост, а там...

«Какая, к чёрту, мифология на боевом подводном корабле? – невольно подумалось мичману сквозь щебетание девушки. – Там и капитанский мостик редко когда с видом на волны, всё больше через перископ. Да и пучина в иллюминатор – так себе зрелище».

Видел он её уже на учебных погружениях в «Маркизовой луже». Хоть бы хвост корюшки мелькнул в 125-м калибре оконца, – одна муть. В Чёрном море, коли под водой глаза вытаращишь, и то больше, чем на сажень, видно.

Впрочем, все эти саркастически бывалые замечания, мелькнув в голове Васьки, так и остались неопубликованными – хоть стоило этак, снисходительно, поведать...

Однако занимало его другое. Вот сегодня, и даже прямо сейчас, предстоит ему объявить, что закончились их с Нелидовой Петроградские каникулы посреди войны и не далее, как завтра, ну, в крайнем случае, послезавтра, отбывать мичману на службу. По личному прошению (рапорт прилагается)... Стоп, рапорт – это как-то не из этой оперы. По родительскому благословению, значит? Так, что ли?

А из всего этого следует, что им с барышней Нелидовой надо немедленно жениться. По меньшей мере обручиться. Ибо всё. Приказ по Водолазной школе и по Морскому генерал-квартирмейстерству штабу отдан. Пора. И так уж не то, что кому-то, но и самому себе трудно было объяснить, с чего это вдруг всё рвавшийся в морское сражение Васька (да ещё с детской кличкой «Варяг»!) выдумал ни с того ни с сего на полпути к своему первому боевому плаванию завернуть вспять, доучиваться-переучиваться.

Да, конечно, много тут сыграла гримаска отчаяния на лице Нины, которую она не успела спрятать, когда – весной – услышала, что вот уж и отправляться Васеньке в Севастополь. Из которого она, как назло, сама только что приехала, чтобы жить в Петрограде с папенькой, учиться. Разминулись.

И сказать кому – не поверят. И вообще сказать неудобно, особенно с оглядкой на самого себя, хотя бы вот тут, – в витрине, в промежутке между портретами томных девиц на манер «танцовщицы Клео», бравыми гусарами царского Депо и под золотыми буквами: «Первое электрофотографическое художественное ателье» на Привокзальной. Отражается тут мичман Иванов в белом парадном кителе морского офицера, но с трогательной медью солдатского Георгия на груди. И не смотрите, что по-мальчишески вихры лезут из-под лакированного козырька, и росточком он – не в Депо царской свиты. Вот ведь – орден, самый что ни есть окопный. Вот и матёрая папироса на детски-пухлой нижней губе.

С неё, с папироски этой, вчера всё и началось, с неё весь день не задался, чтобы разрешиться уже к полудню таким торжеством, что и сейчас мичман Иванов не совсем может понять: стоит ли он на загаженной мостовой Привокзальной площади или на капитанском мостике дредноута «Элизиум» – всё смешалось.

Вчера же, глянув из-под вуалетки на мужественную папиросу, пытящую в куриной гузке Ивановских губ, барышня Нелидова только и заметила:

– Смешно как. Всякий раз, как смотрю на тебя курящего, сразу припоминаю рекламу из «Ведомостей»: «Если ни уговоры, ни угрозы на вашего ребёнка не действуют, приучите его хотя бы курить механические папиросные гильзы Кане, к ним не прикасалась ничья рука и они совершенно гигиеничны...» Выбросьте эту гигиеничную гадость, господин мичман. Нам пора...

Кто, неровён час, не переживал в своей жизни ничего подобного, не оценит, насколько же трудно сказать Ей, Единственной, что совершенно неизбежно и не далее как послезавтра им придётся расстаться. Возможно, что и надолго... Если она прямо сейчас не согласится выйти за него замуж или хотя бы обручиться с тем, чтобы как можно быстрее приехать к его месту службы и там ожидать его очередного возвращения из славного боевого похода.

Васька-Варяг преодолел трудность.

Хотя стоило это ему таких усилий, что он безропотно согласился пока что на обручение и на подождать хотя бы годик до окончания её начального курса.

Особенно безропотно потому, что рот его был надолго закрыт нежнейшими губками Ниночки Нелидовой.

В кабинете С.Д. Сазонова

– Ну что же, – сказал, характерным жестом приглаживая волосы на висках, Сазонов. – Ожидаемая беда произошла.

– Вы о вступлении Болгарии в войну на стороне Австрии, Германии и Турции? – Алексей Иванович небезосновательно предполагал, что изо всех неблагоприятных событий последнего времени выражение «ожидаемая беда» в устах министра относится именно к указу болгарского царя Фердинанда Саксен-Кобург-Готского.

– Да, и как следствие – об усложнении положения несчастной Сербии...

– И Румынии, которая слишком пожадничала при разделе земель по итогам Второй Балканской войны.

– Да, конечно. Не удивлюсь, если Румыния в конце концов не выдержит наступления с трёх сторон, и мы лишимся последнего союзника на Чёрном море.

– Но можно попытаться воспрепятствовать, – осторожно сказал статский советник. – Вы же помните предложения черноморцев по десанту...

– Да, помню. И я получал от нашего посланника в Болгарии, Неклюдова, настоятельные просьбы о спешной отправке десантов в Варну и Бургас, занятие которых русской военной силой могло одно, по его мнению, предотвратить предательство короля Фердинанда. Но решать такое положено не мне, а нашим военным властям, у которых сия мысль не встретила сочувствия. Генерал Алексеев напомнил, что перевозочная способность всех судов, находившихся в Одессе и Севастополе, не позволяла посадки более двадцати тысяч человек одновременно. Таким образом, по мнению генерала, первые десантные отряды подверглись бы серьёзной опасности до высадки всего экспедиционного корпуса. Вы же понимаете, что нет ничего тягостнее, как становиться на путь отречения и жертв, предвидя их бесполезность.

– Увы, генерал прав, настаивая, что серьёзные успехи десанта возможны только при быстрой высадке больших воинских соединений, – согласился статский советник. – А высадка войск в Варне или Бургасе выполняема только в том случае, если бы мы располагали Констанцей как операционной базой.

– Если бы располагали... А у меня, и не только у меня, кстати, – и Сергей Дмитриевич значительно посмотрел в ту сторону, где располагалось Морское министерство, – складывается странное впечатление, что флотское руководство стало больше заботиться о собственно флоте, чем об интересах страны вообще.

– Флот подчиняется приказам Ставки и Адмиралтейства, – передёрнул плечами Алексей Иванович. – А черноморцев трудно упрекнуть в отсутствии доблести и усердия.

– Да я и не о них... Командование – вот бы ему проявлять, как это у военных называется, стратегическую инициативу.

Сазонов встал и, что с ним, искушённым дипломатом, случалось нечасто, позволил себе откровенный жест: несколько раз постучал кулаком по карте юга Европы.

Статский советник тоже поднялся:

– Я коротко знаком с адмиралом Эбергардом. Андрей Августович – прекрасный человек и опытный командующий.

– В вашей характеристике ощущается «но», – чуть прищурился Сергей Дмитриевич. – Полагаю, это касается его возраста?

– И да и нет. Он в свои пятьдесят девять – не старик в обычном понимании, успешные командующие были и есть постарше. Но вот насчёт, как вы изволили выразиться, «стратегической инициативы», возраст, да не собственно возраст, а время всей службы и становления военной карьеры – сказываются. Наверное, укоренилось у него чёткое офицерское правило: проявлять инициативу в рамках приказа старшего командира.

Сазонов невесело усмехнулся:

– Возможно, что и так. Много таких... Слишком много. Начнём считать с Сухомлинова...

Цитата:

«В начале 1815 года я довольно подробно изложил Государю моё мнение о вредной бездеятельности генерала Сухомлинова. Я надеялся, что откровенно сказанное слово лицом, далеко стоявшим от военного ведомства и не имевшим с Сухомлиновым никаких личных счётов, побудит Его Величество относиться менее доверчиво к недобросовестному оптимизму, которым были пропитаны доклады министра, основанные нередко на ложных данных.

Хотя моя первая попытка и не имела успеха и произвела на Государя скорее неблагоприятное для меня впечатление, я возобновил её при первом удобном случае под впечатлением сведений, полученных от членов Государственной думы, передавших мне о растущем негодовании думских комиссий против Сухомлинова. На этот раз Государь, любивший в Сухомлинове его жизнерадостное настроение, ответил мне, что ему давно известно, что у генерала много врагов и в особенности в Главной квартире, но что на все их обвинения он будет смотреть как на голословные, пока не увидит “чёрным по белому” доказательства их справедливости».

С.Д. Сазонов. Из воспоминаний

– Конечно, я поддерживал идею вогнать клин между Турцией и Болгарией и центральными державами. – Сергей Дмитриевич опустил в кресло и жестом попросил Иванова последовать его примеру.

Алексей Иванович осторожно сказал:

– Полагаю, Государь сказал бы своё веское слово, если бы ему всё правильно подсказать.

Сазонов невесело усмехнулся:

– В другое ухо, увы, ему бы нашептали иначе. А чисто дипломатические усилия оказались недостаточными. Тем более что крайне печальной и мне, и ему, – Сазонов указал куда-то в сторону Зимнего дворца, хотя оба собеседника знали, что государь сейчас находится не там, – представлялась возможность захвата Проливов и Константинополя силами наших союзников, а не русскими войсками и Черноморским флотом.

– Но все гарантии для России были оговорены ещё до начала операции в Дарданеллах...

– Болгарский вопрос тогда не рассматривался. Греческий... вы же знаете отношение государя к Константину. – Сергей Дмитриевич явно хотел что-то добавить, возможно, нечто связанное с греческим царём, но вернулся к прежней теме: – И вообще я уверен, что разобщения между австро-германцами и Турцией можно было с меньшим риском достигнуть, направив союзные войска из Македонии на болгарскую границу. Это парализовало бы воинственные поползновения царя Фердинанда и пресекло бы возможность его измены. Когда Галлипольская экспедиция была окончательно решена нашими союзниками и когда Бьюкенен и Палеолог заявили мне об этом, мне стоило большого труда скрыть неприятное впечатление, которое произвело на меня это известие. Я ограничился тем, что сказал им: «Помните, что вы предпринимаете эту экспедицию не по моей просьбе».

– Да, наверное... – Алексей Иванович ещё раз посмотрел на большую карту. – Появление сильного союзного отряда в нужный момент в Салониках и в долине Вардара было бы, вероятно, достаточно, чтобы удержать Болгарию от вмешательства в войну и спасти десятки тысяч жизней.

Сергей Дмитриевич ещё раз внимательно посмотрел на Иванова и спросил:

– Не без оснований ли у меня складывается впечатление, что вы чем-то дополнительно обеспокоены? Спасение жизней – не конкретное ли?

– Да, проблемы личного характера. Но я не полагал, что это так заметно, – ответил Алексей Иванович.

– Ваши «проблемы личного характера» не связаны ли с отсутствием «сильного союзного отряда в нужный момент»?

– Нет. Не конкретно союзнического, о котором мы говорили. Любой другой сильной части в нужном месте.

– Ваш сын, штабс-капитан, помнится, во Второй армии? – Сазонов чуть не употребил глагол прошедшего времени, «был», но вовремя осёкся. – Дурные известия?

– Никаких. – Алексей Иванович не удержался, потёр лоб. – Ни дурных, ни благоприятных.

– Как так? Он в окружение попал?

– Точнее – пропал в окружении. Вместе с известной частью полка.

– Но сведений о гибели, как я понял, нет. Может быть, он в плену?

Статский советник помрачнел и поджал губы. Но почти без паузы бросил:

– Полагаю, сдача в плен едва ли совместима с его понятиями о чести русского офицера. Сазонов примирительно поднял ладонь.

– Попасть и сдаться – вещи разные. Могло быть ранение, контузия – мало ли что на войне бывает.

– Да, можно допустить... Но в германских списках пленных офицеров его нет.

– Вот уж позвольте с вами не согласиться, Алексей Иванович, – перебил его министр. – Ни за что не поверю, что там нет ни одного капитана Иванова. А уж имя-отчество могли, даже с немецкой педантичностью, транскрибировать по-своему. Мы вот тоже их Хайнриха Хайне Генрихом Гейне кличем.

Воцарилась долгая пауза. Затем Сазонов сказал:

– Не следует прекращать поиски. Кроме германских сводок есть и другие источники. Вам ли не знать? Нет ничего тягостнее, как становиться на путь отречения и жертв, предвидя их бесполезность. Но в вашем случае надежда не погибла.

«Р-революционерка» варя

Петроград. Литейный. Задворки патронного завода

Наверное, тому виной и Васькин пример: то ввалится с горячечным румянцем на щеках после свидания, закружит в пантомимическом вальсе, то, наоборот, отмахнётся как от мухи, страдальчески грызая ногти.

И капель апрельская в ту же прелюдию звонкими нотами, и хор анафемский за лепниной потолка с чердака...

«Ах, как чудно жить! Какая бы гадость не творилась в головах и на улицах...»

Кстати, об улицах. Варвара брезгливо сморщила носик с веснушками, побледневшими за зиму, оглянулась кругом в поисках и подскакала на одной ноге к коновязному чугунному столбу у ворот проходного двора, оттерла о ребристый столб опойковый носик ботинка, избавляясь от склизкого комка рыбьей требухи.

– Совсем дворники распустились, за ворота уже ни ногой, – проворчала Варенька в унисон прочим горожанам, потерявшим из виду казённых уборщиков (только во дворах и остались вековые династии Михальчей и Федулок).

Впрочем, ничем нельзя было сейчас «перелопатить» стаю мыльных радужных пузырей, порхающих в душе её. Даже вот такой «гадостью» из разряда тех, что налипают нынче на мозг едва ли не чаще, чем уличная грязь на обувь: «Последняя выходка Распутина... И гнал вперёд себя голую царицу как публичную девку...»

И картинка-то?!

– Фу, – скривила Варвара Иванова фамильно-пухлые губки, наткнувшись взглядом на афишку, налепленную над столбом посреди прочих бумажных струпов, уродующих и без того неприятную стену грязных задворок Литейного.

Картинка такая, что и вообразить себе трудно, чтобы кто-то печатал такое, глядя в набор без омерзения, чтобы над медным клише старательно работал гравёр, высунув язык, а до того что-то правил в рисунке и комкал эскизы настоящий живой художник... Нет. Это всё должен был делать только какой-то мёртвый, грязный, замасленный механизм без малейшего участия человеческих глаз и совести.

«Впрочем, это и правда, не печатный станок делал, – смешно наклонила Варвара головку с узлом русских волос набок, точно дворняжка, изучающая витрину мясной лавки. – Видно же по слегка расплывшимся краскам. И вот тут угол блеклый, непропечатанный, точно как в “мастерской для образованных женщин”. Как же всё-таки эта машинка для ручной литографии называется, слово такое забавное?»

Варя, воровато оглянувшись и лизнув язычком большой палец, попробовала потереть бледно-розовый подол пеньюара якобы Императрицы, узнаваемой только по каракулям карикатурной подписи. Не вышло.

«Фу, ещё увидит кто-нибудь», – отдернула она палец и рассмеялась, вообразив, как выглядит со стороны. Взрослая барышня, «народная учительница», а всякую глупость напечатанную изучает, как её же ученики: «Ра-бы-не-мы... Ры-бы... тоже помалкивают». И то – была бы ещё афиша кинематографа, а то и не поймёшь, то ли политика, то ли просто похабщина. Хотя поди отличи сейчас одно от другого.

Нет, всё-таки не зря папа никогда не поощрял в их доме «этой республиканской болтовни» – так он называет тему, совершенно обязательную теперь во всяком Петроградском застолье от «Англетера» до кухмистерской какой-нибудь. Не зря папа говорит, что точно такие же выдумки и нелепицы безо всяких газет и афишек в своё время распространялись и об императоре Павле I накануне дворцового переворота, и значит, «беспокоиться о Республике» нет никаких надежд.

Именно так и говорит. Причём говорит как антрополог, знающий физиологию русского человека: «Никаких надежд». А это, в свою очередь, значит, что в глубине души надежды экстраординарный профессор Иванов всё-таки питает. Просто это юмор у него такой британский, демонстративно-скептический.

На что, собственно, надеется Иван Иванович? Помалкивает пока. Может, верит, что дело не обойдётся одним только «дворцовым переворотом», о котором все кругом говорят. Или, наоборот, надеется, что из всего переполюха, как в 1905-м, выйдет только Конституция, но такая, от которой царю уже никак не отвертеться. И, значит, всё не так уж плохо, есть смысл, не дожидаясь какого-то исторического разрешения (завтра ли оно случится, послезавтра) – жить.

Снова заулыбалась Варя. Поймала себя на мысли, что о политике задумалась машинально, в силу привычки. Слишком много её стало в жизни, прямо везде её медные провода, горячие от напряжения, искрящие, бьющие током то тут, то там. Даже где не ждёшь. Как, например, в «рабочей школе», куда она шла вовсе не за политикой, а за...

Ой, ну чего лукавить? Чего бы она ещё бегала на эти задворки гремучего угрюмого чудовища с жёлтыми глазищами в бельмах масла и пыли – «Санкт-Петербургского патронного завода» – так и гнусавит по-прежнему, со снобистским апломбом, гипсовая надпись на фронтоне. Да, что ни говори, но пример других курсисток, подвизавшихся «делу народного просвещения» с тем, чтобы услышать в описании самой себя третьими лицами – революционерка, и на неё, как ни странно, много подействовал. Хотя уж кому-кому, а Вареньке не грозило, чтобы это был единственный лестный эпитет к её характеристике в кругу собеседников, тонущих в табачном дыму. Ей там законно полагались ещё и «загадочная, неприступная, таинственная»... Так безбожно врала себе Варвара и даже знала, что врёт. Знала, что все эти романтические «арабески» вянют под приговором «благовоспитанной», – званием, по нынешним временам, пошлым и унижительным. Как тут если не прославиться, то хоть за глаза прослыть «революционеркой»? Не «миленькой, соблазнительной, кокоткой» (что в глубине души она, может, даже и приветствовала бы), а вот чуть ли не с прокламациями за пазухой и с револьвером в ридикуле – «р-революционеркой»!

Варвара сама себе состроила виновато-игривую рожицу, весьма заинтересовавшую какого-то тощего юношу в куцей студенческой шинели. Юношу, вышедшего как раз из одной из несчётных трактирных нор Литейного и, должно быть, принявшего её гримаску на свой счёт. На это Варвара тотчас состроила другую – ту самую «фребеличку» или «классную даму», что так портила ей «современную» репутацию, делая совершенно «несовременной».

Студент-переросток прямо-таки шарахнулся, и Варвара, не выдержав, прыснула в нитяную перчатку.

«А ведь сработало же!» – это не насчёт «классной дамы и фребелички», это насчёт революционерки, радостно подумалось ей, когда она нырнула в подворотню, ведущую за угол эклектичного дома «Самолёта», дома пароходной компании.

Да у неё со времён старших классов гимназии не было столько «воздыхателей», как теперь, в новой роли. Да и те что были? Именно, что «воздыхатели» – необъявленные, не изъявившие ещё своих чувств. «Оглашенных» так и вовсе никогда не было за все 24 года её долгой и пронзительно одинокой жизни, – подыгрывая лирическому герою внутри себя, Варвара посуровела, опустила глаза. Ни дать ни взять, вериги одиночества понесла под любимым английским костюмом цвета «Аделаида».

Впрочем, тут же Варя стряхнула невидимые цепи, расправила плечи так, чтобы и грудь чётче обрисовалась. Неинтересно уже нести вериги одиночества. Теперь – есть Он. И именно к Нему она сейчас и идёт в рабочую школу. К «оглашенному» – объявленному по всем правилам Домостроя. Хоть это, по теперешним временам, даже предосудительно как-то, но из песни, то есть из семейной хроники, теперь не выкинешь: с представлением папа, прощением руки и сердца, с помолвкой в кругу родни и друзей – со всей, как говорила сестрёнка, «епитимьей».

Как же потешалась со всей этой «мерехлюндии» Кира! Вот уж революционерка по существу, так сказать, а не по форме. А ведь никакой даже не прогрессист, не то, чтобы социалистка. Вообще, чёрт его знает, что такое. Декадентка, что ли? Просто «эмансипэ»? А то уже и мистик. За ней и не уследишь...

«Emancipatio» Кира

Петроград. Март. Литейный мост

– Петроград чумной какой-то стал. Весь дышит оккультизмом. Куда ни зайдёшь – если не на спиритическом сеансе очутишься, то на американской лекции по Блаватской...

Её спутник смеётся, а Кира недовольно хмурится, не зная, то ли улыбнуться сейчас сочувственно, поддакнуть, то ли воззриться на собеседника с сумрачным недоумением, мол, «а вы бывали в хрустальных эфирах Тибета, что вам так смешно?..»

Надо бы «воззриться». Благо электрический свет фонаря, резкий как вспышка фотографического магния, даёт такие странные голубые с лиловым разводы. Такие, что (наверняка знает Кира) будет её взгляд исподлбья сейчас для него не хуже кляпа. И уж точно смутит провожатого, если не заставит задохнуться от переполненности воображения. Глаза в ночи чернее чёрного (знает Кира) – антрацит с искрой, в тенях, как у Веры Холодной, губы, будто сажей нарисованы. Что там ещё он писал в своём стихотворении такого, что стоит и отмолчаться и далее, – пусть теряется в догадках насчёт впечатления, которое производит. Пусть гадает, есть ли оно у неё вообще – впечатление от его стихов. Она и на собрании раз только дала понять, что прекрасно себе понимает, кто эта:

...Чей цикорный взгляд
Так терпок, что на языке
Горчат слова,
Не сказанные вслух...

Глянула тогда в «Раковине» на чтеца вскользь, потом ещё раз – через плечо, будто закрепила негатив фиксажным раствором.

Не впервой ей быть блоковской «Незнакомкой» в чьих-то произведениях, но всё одно трогает. Хоть иногда кажется: трогать-то трогает, но холодными пальцами как-то и за горло. А иногда, сидя в первом ряду, так и вовсе нестерпимо хочется сдвинуть колени.

– Странно, правда?..

Варвара лишь полуоборотом головы дала знать, что поддерживает их странную беседу.

– Странно, что мистика, – расхрабрившись, будто после молчаливого поощрения, снова принялся вещать «автор монолога»: – Вошла в нашу жизнь, хоть и крадучись, но сразу вслед ворвавшимся в неё же моторам, мотоциклетам и... этим...

– Дирижаблям, – не удержалась-таки, чтобы не подсказать, Кира.

– Да, аэропланам.

Спутник заметно смутился. Поправил лацкан пальто, сунул руку за пазуху, но не нашёл ей там применения. Сунул обе руки в карманы. Совсем как гимназистка с запиской, треплющая кружевные оборки платья, не зная, как её передать адресату «с та-акими усами!»

Кире стало жалко мученика – чувствует её, дышит мечтою о ней, пьяный от страсти, – даже завидно до злости. Живой. Но не до него, ей богу. Были б силы сейчас, – она бы ему объяснила, что такое и каков он на самом деле, воспеваемый ими потусторонний мир, в котором она уже, как говорится, одной ногой. Нет, скорей одной только головой, как когда-то в детстве, в Артиллерийской бухте, застигнутой врасплох мёртвым штилем.

...Помнится, если встать на четвереньки и опустить голову в воду – можно увидеть странный изнаночный мир, с его таинственными неземными обитателями и древними лесами, вечно колышущимися в далёких горах, тот золотистый с зелёноватой оторопью свет...

Так и теперь. Только теперь свет этот голубой, с синей оторопью теней, не спешащих следовать за своими хозяевами. Он вспыхивает, где не ждёшь: в чердачных оконцах ночного

города под самыми крышами, в дверях, вдруг распаивающихся в глухой стене, под чёрными чугунными мостами в реке – бледным бирюзовым пятном с фосфорной зеленью рыб подо льдом. И нельзя сказать, чтобы свет этот был непредсказуем, напротив, он обязателен, как предвестник кошмара, как следствие, как результат переправы на тот неведомый берег в ладье Харона, сшитой из костей. Переправы на тот свет, в тот свет с замедленными тенями...

– Да, тот свет – это самое точное определение, – кажется, она даже прошептала это вслух, потому что её спутник вдруг отстал, словно ошеломлённый услышанным.

Она обернулась, почувствовав щекой прикосновение газового шарфа. Увидела провожающего своего неожиданно далеко, чуть ли не в начале моста, который они, кажется, уже и прошли весь. Но он почему-то стоял теперь в туннельной перспективе, отмеченной гирляндой ван-гоговских звёзд, с протуберанцами фиолетово-серебристых жирных мазков. Стоял один. Хоть только что на Литейном мосту было обыкновенное оживление, как на вечернем проспекте, когда всё движется и сверкает в предчувствии ночных безумств и приключений. А теперь он там один и, судя по предсмертной агонии его трёхкратной – серой, синей и фиолетовой – тени, вот-вот исчезнет...

«Господи, кажется, опять, – спохватилась Кира и сказала себе: – Надо успеть прежде, чем это случится. Прежде, чем реальный спутник исчезнет окончательно в электрических огнях фонарей, а на смену ему отовсюду полезут гости из того света, – узнаваемые уже, но от того не менее кошмарные, горячечно переменчивые. Вот и озноб уже начался, который вскорости обязательно сменится жаром...»

Кира, борясь с дрожью в руках, распустила узел полотняной сумочки, расшитой бисером по английской моде, и полезла за лекарством. По устоявшейся уже привычке, прикрывая это своё занятие громким шмыганьем носа, мол, «мочи нет, – сейчас чихну...» Но батистовый платок не спешила вытаскивать, будто пытаясь нащупать сквозь него что-то ещё в красном матерчатом зеве сумочки среди обычных девических, как сама говорила, – финтифлюшек...

Чихнула наконец.

– Так что же вас, Георгий, не устраивает в проповеди мадам Блаватской? Что там ни говори, оно весьма наукообразно. Терминология, какой, вон, папенька мой практикует своих студентов. А он у меня, заметим, экстраординарный профессор, учёный этнограф. Я уже не говорю, что этими своими словесами, вернее, учением об их эзотерическом воздействии, Елена Петровна едва ли не породила нынешних футуристов. Представьте только – Бурлюк и Маяковский как порождения «Разоблачённой Изиды»!..

Кира зашлась то ли смехом, то ли безудержным болезненным кашлем. Скорее всё-таки смехом, потому что тут же и простонала почти сквозь всхлипы:

– «Порождения ехиднины»!

Спутник, видимо, озадаченный внезапностью перемены в девушке, промолчал.

А девушка замахала свободной рукой, борясь с приступом, и продолжила, энергично выстукивая каблучками бот по мостовой:

– Это ж вам не чревовещания «живого трупа» Гузика, закаченные глазки баронессы Прасковьи или ахиня Малахова. Нет, я готова согласиться, что каждое второе «духовные общество» нынче – помесь «жёлтого дома» и ярмарочного балагана. Всё с мошеннической машинерией под сценой. Но кто рискнёт опровергнуть реальность Шамбалы? Вы вот рискнёте? Это же всё одно, что утверждать, что и никакого Тибета нет вовсе, коли ты лично его не видел, а может, и видел, но видел зря, ежели не пощупал для прочности оснований. Ибо, «пока не вложу персты свои в раны...» Нет, я серьёзно, вы как? Насчёт: «персты вложить»?

Кира наконец обернулась.

Гирлянды круглых фонарей Литейного моста уходили на Выборгскую сторону и сходились там в застывшем фейерверке над тёмной водой. Да, люди по-прежнему сновали по мосту – и мимо неё, и навстречу, и едва не наталкиваясь. Люди по-прежнему заполняли мир

своими мимолётными взглядами, обрывками слов, смеха, кашля, бегом, потерянными силуэтами вдали и картинными позами на переднем плане, раздражённой жестикуляцией, шорохом дамских подолов и цоканьем подбитых сапог кавалеров. Их было так много, даже без учёта тех, кого не видно было в конных экипажах и салонах автомобилей, и тех, кого хоть и было видно, но их и так уже учёл и пересчитал кондуктор трамвая. Людей было много. Но вот «с ней» не было никого.

Она подождала, топчась на месте, в тени афишной тумбы, и насторожившись, не появится ли её спутник, вынырнув из толпы с запоздалыми извинениями, или, что куда хуже, не объявится ли кто иной, нездорово заинтересовавшийся барышней, говорящей сама с собой?..

Никто не объявился, чему она почти уже не удивилась. Может, он, тот поэт из Собрания, отстал и ушёл давно, напуганный и разочарованный? Может, даже и скорей всего, они прилично попрощались, и она удачно отвязалась от всех своих обычных провожатых. А может, никого и не было?

Через минуту в тёмную реку сквозь петли русалочьих хвостов в ажурном литье ограды канул скомканный платок с коричневым бочонком пустого аптекарского флакона...

Николай Иванов

Августовские леса. Февраль 1915-го

Размеренная ходьба на морозе не согревает нисколько.

Тут поневоле размечтаешься... нет, не о голландке с обжигающими изразцами в петроградской квартире, не о раскрасневшемся поддувале русской печи в какой-нибудь смрадной избе, вросшей в землю ещё при Радищеве, и даже не о костерке, размётанном на степном привале всеми ветрами. А о солдатском караульном тулупе и валенках размечтаешься. И рад бы, если уж не убежать никуда от этой беды – холодных ног, – то пробежаться, хоть рысцой растоптать в сапогах эту мёрзлую и мерзкую слякоть портянок. Да где там. На малейшее шевеление в колонне немец откликается настороженным: «Halt!» – пусть усталым и безразличным, но веришь и ему, и поведённому в твою сторону стволу «маузера» безоговорочно. Веришь, что Фридриху проще, не снимая гражданской варежки, нажать на спусковой крючок, чем слезать с саней, где у него уже угретое гнёздышко в соломе, да с русской шинелькой на холодных сапогах. А бегать к пленным, орать да пинать их прикладами – это пусть поляки побегают да погреваются. Они энтузиасты. Один из них уж было наскочил с винтовкой, перехваченной за цевьё, на подпрапорщика Радецкого, что походил на заиндевелую колоду, которая только «щучьим велением» движется в нужном направлении. Двигается, но то и дело сбивается с него, уходя из колонны замысловатым зигзагом. Замахнулся поляк загнать бедолагу в подобие строя. Но, наткнувшись на сумрачный взгляд Николая из-под закуржавленных бровей, ограничился только окриком: «Хутче, пся крев!»

Капитан Иванов не то вновь вернулся к своим размышлениям, не то вновь окунулся в холодный рассудочный бред, помогающий медленно, шаг за шагом, если и не вовсе уйти от действительности, то хотя бы, двигаться ей параллельно.

Насколько всё скверно?

Окончательный вывод уже вскорости помог сделать встретившийся им по пути примечательный «Panhard-Levassor», «под снег» крашенный известью. Кабриолет модели 1908 года. Несколько устаревший, но отличавшийся редкой для «мобилизованных» проходимостью (французы до войны ещё из таких «пулемётный автомобиль» делали для службы в Марокко).

«Panhard» выволокли из ворот пленённым, на буксировочном тросе, как на аркане. Грузовой «Daimler», что тащил беднягу, казался самодовольным янычаром. Сыто урча и отфыркиваясь сизым смрадом, тупорылый «немец» добрался наконец, ёрзая по грязи, как по «чёрному вазелину»⁶, до изгиба дороги, где лес чуть ли не над самой колеей нависал карнизам еловых лап, – под такими не так давно скрывались остатки «Ивановского арьергарда». Тут грузовик остановился, пыхтя и будто нарочно, чтобы подразнить своим богатым трофеем. Из тесной кабины, как из скворечника, выбрался шофёр в нестройной бескозырке. Следом высунулся, но только на подножку, грузный офицер в гражданской шубе поверх шинели и с фуражкой с наушниками, – очевидно, что интендант. Особенно очевидно из-за плаксиво-жалобного тона скупщика, которым краснощёкий толстяк не то умолял, не то страдал флегматичного гефрайтера-водителя:

– Шнелль! Данке, шён. Шайсе! Шнелль!

– Знакомый тарантас, – буркнул, покосившись на «аварийную сцепку», вахмистр.

Николай Иванов молча обошёл выбеленное крыло «Panhard-a», пятнистое от влаги. Машину командира 20-го корпуса он тоже узнал. Помнилось, не так давно, опираясь на это самое крыло чёрной перчаткой, генерал Булгаков с подножки автомобиля призывал их «не посрамить...» и «показать тевтонам...», а заодно призывал и «кару Божью» на головы тех,

⁶ Техническому.

кто посрамит и не покажет. Впрочем, ни злобы особой, ни досады на командование капитан Иванов не ощущал – уж кому-кому, а ему, поднаторевшему в истории стратегического планирования по воле батюшки, видевшего в нём полководца, было ясно: без налаженного подвоза боеприпасов – никак. Все эти залихватские кличи вроде: «Пуля-дура, штык-молодец!» – мало чего стоят. Не та теперь война, чтобы на «уру!» переть по заветам Суворовским. Пулемёт – он железяка, он «уры» не слышит и не боится. Они и так уже сколько дней немецких пулемётчиков на испуг брали – но всему есть предел. И раз командир корпуса принял решение сложить оружие – то это ещё не значит, что «измена»... Это значит, что и на карте он не нашёл, куда им с голыми руками вырваться можно. Худо всё на карте. На ней видней...

Точно в подтверждение его мыслям, размеренно ложащимся в логическую цепочку, как следы впереди идущего пленника на заснеженную колею, кто-то будто бы сам себя спросил вслух, глухо и мрачно:

– Что ж помощь не подоспела?..

Никто ему не ответил, но и молчание было красноречиво.

– Не то что подкрепления – попа с иконой не прислали, чтоб причаститься, – то ли назло молчанию, то ли, наоборот, вдохновлённый им, продолжил солдат. – Или они там, в штабе, изначально думали в плен идти? Виданное ли дело, не в одиночку, обделавшись, – это со всяким бывает, – а цельными полками сдаваться?

– Виданное, как видишь, – наконец отозвался кто-то из колонны поблизости не без ехидцы. – Топай вот теперь и любуйся.

– Да какими полками, к лешему? – с болезненной хрипlostью возразили откуда-то справа. – У нас от полку и полуроты не осталось. Знамя целовальное и то, как пошёл убой, спрятали, чтобы в плен не сдавать.

– А что плен?.. Что такого, что плен, братцы? – раздался голос и позади Николая, как-то сразу не понравившийся ему тоном заискивающим... и нарочито придурковатым, что ли? – У меня вот дядька в Японскую воевал. Под Мукденом сдался. И по сей день там, в Японии, живёт припеваючи. Так он говорит: «Драться надо до крови, но не до смерти».

– И как это он тебе сказал? – возразил тот же голос с ехидцей. – Он же у тебя, сам говоришь, аж в Японии?..

Закончилась вьедливая реплика громче: видимо, говорящий обернулся.

Обернулся и капитан Иванов. Не нашёл взглядом «агитатора», но почему-то его внимание больше привлёк немецкий офицер, невесть откуда взявшийся в оцеплении.

До сего момента Николай и не видел никого старше фельдфебеля, отличного офицерской саблей на ремне, – точно, как городской. А этот, судя по плетённому в косичку погону с двумя звёздочками, – гауптман. С востреньким носиком под чёрным козырьком и щеками, втянутыми то ли от брезгливости, то ли от вдумчивого напряжения. Видно же, что не по нутру ему скакать по грязевым буеракам подле запаршивевшей и завшивевшей толпы оборванцев, но... «Что делать?.. – написано на недовольной физиономии. – Дело!»

Что же это за дело такое? На пленных не кричит, конвоиров не понукает? Никак не отделаться от ощущения, что немец прислушивается к разговорам военнопленных.

Было к чему прислушаться, если б ты был, например, из контрразведки. Тут уж не отравленные «мыслишки вслух», от которых за версту, как говорится, несёт падалью, а целая афиша рекламная вырисовывается, как на витрине.

– А ты вот сам посуди, – проповедовал уже не кому-то конкретно, а на публику всё тот же «племянник японского городского». – Ежели даже с такими антихристами, как японцы, ужиться можно? Вон дядька мой пишет, что, к примеру, водка ихняя – саки саками! Всяко нашей и хуже, и слабше, а всё одно водка. И купается он там не в корыте, а в кадке... Не помню, как называется, да и не суть. Суть, что понимаешь, по ихним законам, чтобы в кадке

этой мыться, непременно тебе баба положена! По закону! Банщица. Их там всех Глашками зовут. Так они тебе ещё и чай потом обязаны...

– Это после чего «потом»? После помывки?

– И только чай?

– Это, значит, в кадушку с самоваром?

Слушатели оживились. Толпа машинально стала сбиваться поближе к «зазывале» и тут волненс-ноленс наталкивалась на капитанские звёздочки Николая на мятых погонах шинели. Кто-то тотчас сдавал назад, кто-то хмурился, но делал вид, что «это ничаво». Кто-то искоса глядел, а кто и вопросительно.

Надо было как-то реагировать. Сообразно званию и положению.

Но вот сообразно душе, понял вдруг Николай, учесть надо, что разговор и сам собой из разряда провокации перешёл в окопный трёп с шутками-прибаутками с непременным куплетом «о бабах». Поэтому, запомнив про себя «японского племянника», Николай наконец подал голос. Чего от него ожидали, судя по тотчас же установившейся напряжённой тишине.

– Дядя твой, поди, как услышал, сколько помывка с той «Глашкой» стоит, так и вовсе мыться зарёкся. И не банщицы это и тем более не буфетчицы, а тамошние «белобилетчицы» наивысшего разряда. Гейшами зовутся, – громко, но сухо, без каких-либо красок в голосе произнёс Николай, будто довёл инструкцию по гранате новой системы. – Кадка эта у них – такая же ванная, как у тебя корыто. Называется фуракэ и банщица к ней полагается, как тебе пирожное после карцера. А сакэ – водка рисовая это.

Народ, сбившийся было в бурлацкую артель, как на картине Репина, рассеялся сам собой, традиционно покорённый сокровенной тайной образования, но разговоры более не стихали, оживляя унылое шествие.

В любом случае обсуждались ли это вариации будущего в плену или строились непримиримые планы побега, – всяко это оживление было к лучшему, как даже горячка у пациента, казалось бы, начавшего уже коченеть. Эта перемена была к лучшему, к жизни.

И, кстати, заставила она порядком заметаться немецкого офицера, – это отметил капитан Иванов, наблюдая то тут, то там в просветах между суконными горбами скаток, поднятых воротников шинелей, среди серых курчавых шапок высокую тулью с имперским орлом и на околыше трёхцветной кокардой какого-то из бесчисленных германских королевств.

«Надо будет припомнить-таки какого, – подумалось Николаю, – раз уж подняты из сундуков детства этнографические деликатесы, которыми в своё время потчевал меня дядя Иван Иванович. – Пригодится. Неспроста этот “коллега” по званию тут, среди пленных, крутится, что твой уж...»

Мичман Василий

Июнь – июль 1915-го

Пожалуй, что впервые мичман Василий Иванов осознал, что негвардейский его росточек и субтильное сложение – не беда, а благо. «Краб» – заветная цель его устремлений – в реальности оказался ещё теснее, чем представлялось. Учебные лодки, на которых проходило на курсах натаскивание и первые плавания, вовсе не отличались простором внутренних помещений, так что неслучайно несколько курсантов после практических занятий и первых погружений подали рапорты и ушли – кто в надводный флот, а кто и вовсе в пехоту. Но по сравнению с «Крабом» там было – ну, хоть разгуляйся.

Талантливый конструктор Михаил Петрович Налётов, который опередил (хоть и ненадолго) со своими идеями подводного минного заградителя всех судостроителей Европы, вложив в постройку «Краба» на Николаевском заводе «Наваль» не только все свои средства, но и моральные, и физические силы, добился очень многого. Дизеля обеспечивали вполне приличную – 12 узлов! – скорость в надводном положении, а не особо впечатляющую, но допустимую скорость хода в подводном положении обеспечивали электромоторы. Четыре торпедных аппарата и две пушки давали некоторый шанс выдержать столкновение с вражеской подлодкой или с надводным противником. А шесть десятков мин, распределённых поровну на специальных транспортёрах внутри корпуса по бортам, могли сослужить очень добрую для русского флота службу.

Но во всех отсеках, от командирского в рубке до кормовых, минного и машинного, было настолько тесно, что аналогия с «сельдями в бочке» напрашивалась сама собой.

Правда, все в экипаже – и командир, старший лейтенант Феншоу, и минный офицер лейтенант Монастырёв, и механик, инженер-лейтенант Ульянин, в подчинение к которому тут же определили мичмана Василия Иванова, – крупным телосложением не отличались. В надводном положении («Краб» уже несколько раз выходил из Южной бухты – места стоянок подплава – в открытое море, за внешнюю линию минных заграждений) работалось вполне сносно, главные двигатели нешадно дымили только при запуске, а в рабочем режиме даже грохотали умеренно. Недолгие погружения тоже проходили благополучно, правда, «отцы командиры» (каждому из них не было и тридцати, но так говорить повелось) ворчали, что «Краб» погружается слишком медленно, и поминали не слишком ласково «инженеров-путейцев», избегая, правда, произносить фамилию Налётова, в самом деле инженера-железнодорожника.

Ещё до прибытия Васьки в Севастополь, весной, когда «Краб», тогда ещё безоружный, в надводном положении лихо пересёк в сопровождении эсминца Каламитский залив, на нём прибыл и сам Михаил Петрович Налётов. Автор четырежды переделанной в процессе строительства конструкции подводного минного заградителя. И за неделю в Севастополе, «сдавая» своё детище боевой флотской команде, немного рассказал о долгом пути создания «Краба». От первого, ещё в 1906 году поданного им прошения на имя председателя Морского технического комитета через «присутствие по рассмотрению проекта» в Морском техническом комитете 9 января 1907 года. В «присутствии» под председательством контр-адмирала А.А. Вирениуса, с участием кораблестроителей А.Н. Крылова, И.Г. Бубнова и виднейшего минера-подводника М.Н. Беклемишева, к «проекту» отнеслось в целом благожелательно. Всего-то высказали полдюжины замечаний и пожеланий и после доработок выделило Морское министерство верфи в Николаеве деньги на постройку «Краба». Семь (вместо двух) лет выполнялся «Контракт с Обществом судостроительных, механических и литейных заводов в городе Николаеве на постройку одного подводного минного заградителя водоизмещением около 500 тонн системы г. Налётова», но после многочисленных переделок проекта и конфликтов конструктора с заводским начальством минзаг всё-таки достроили.

На вопрос мичмана Васьки, каким, мол, вам показался господин конструктор, инженер-лейтенант Ульянин (кстати, самый старший по возрасту в команде, целых 29 лет!) только и сказал о Налётове: «Пребывал в нервическом состоянии». А позже добавил: «Он сделал больше, чем мог»⁷.

⁷ Михаил Петрович Налётов после Гражданской войны и до самой своей смерти в 1938 году трудился над усовершенствованием конструкций минных заградителей в отделе главного механика Кировского завода в Ленинграде. Через год после его смерти, в 1939 году, было сконструировано устройство постановки мин через обычные торпедные аппараты подлодок, и строительство, а затем и эксплуатация специальных подводных минных заградителей были прекращены.

Конспирологическая заметка

В 1933 году в Николаеве была разоблачена группа немецких шпионов, которая с 1907 года работала на Германию. Возглавлял её инженер В. Верман. В группу входили инженеры верфи Шеффер, Липке, Феоктистов и электротехник Сгибнев. Очевидно, что сведения о предназначении и конструктивных особенностях подводного минного заградителя, строящегося в Николаеве, были шпионами переданы в Германию.

Там их оценили и правильно использовали. Если в Российском императорском флоте подводный минный заградитель «Краб» так и не был растажигован и до конца Первой мировой войны остался в России уникальным кораблем, то Германия за это время построила 212 подводных заградителей, успешно действовавших в том числе и на Чёрном море.

Мичман Василий Иванов не делал больше, чем мог, но вполне освоился с отведённой ему работой. Вскоре уже ничего не путал в показаниях приборов, тем более что их было столько же, сколько на учебной лодке, и были они тех же типов, и безошибочно выполнял команды как на тренировках у пирса, так и во время недалёких выходов в море и погружений.

И вот наконец пришло время первого настоящего боевого похода.

Произошло это в июне, когда в Николаеве завершились постройка и заводские испытания линейного корабля «Императрица Мария», первого в «императорской серии», но уже сразу, уже даже в одиночку, не дожидаясь ввода в строй остальных «императоров» и «императриц», заведомо способного изменить соотношение сил на Черноморском театре военных действий.

Новый красавец линкор дредноутного типа должен был перейти в Севастополь, на главную базу флота, для довооружения и комплектования команды. Но переход открытым морем в условиях войны, когда противник наверняка понимает, что значит появление в море даже первого из серии первоклассных русских дредноутов и, следовательно, постарается воспользоваться его временной уязвимостью, – требовал от русских моряков особых мер по обеспечению полной безопасности.

В штабе флота такие меры разработали. В них входило и прикрытие северо-восточной части моря 1-й эскадрой линкоров, и выделение тройки эсминцев типа «Новик» для непосредственного сопровождения дредноута, и вывод подводных лодок на боевые позиции, и скрытное минирование выхода из Босфора.

Вот так «Краб» получил приказ принять полный боевой груз мин и выставить их у Босфора.

Приготовления заняли два дня. Но помимо принятия недостающих по штатному расписанию дюжины мин и двух торпед, к молчаливому, но дружному сожалению всей команды, на борт взошли командир флотилии подводных лодок каперанг Ключковский и два офицера его штаба, усугубив до крайности тесноту в отсеках «Краба».

Но решение командира флотилии не оспаривали ни старший лейтенант, ни лейтенанты, ни тем более мичман и нижние чины, и ранним утром 8 июня 1915 года «Краб» вышел в море. Операцию дополнительно обеспечивали отозванные с позиций неподалёку от Босфора подводные лодки «Морж» и «Тюлень», которые, встретив и ненадолго сопроводив «Краба», должны были вернуться в дозор, на свои позиции мористее предполагаемого района постановки мин.

Сильный шум при запуске дизелей и густой чёрный дым, заволкший стоянку, вызвали смех и крики вроде «коптилка», «погремушка» и «вонючка» на тральщике, который на малом ходу проходил мимо стоянки подлодок. Но когда через пару минут моторы вышли на режим, грохот и дым прекратились и «Краб», ещё и не набрав полную скорость, легко обошёл тральщик, Васька (он принимал кормовой швартовый) не удержался и помахал перед носом траль-

щика концом троса: мол, «пожалте на буксир». Тяжкое морское унижение на тральщике встретили не молча, но пересказывать эти реплики не следует.

На корме минзага был поднят государственный триколор вместо военно-морского Андреевского. Формальные основания на то были: «Краб» ещё не включили в состав действующего флота. Но главная причина этого – желание создать у неведомого, но наверняка присутствующего наблюдателя (то есть шпиона) впечатление, что минзаг выходит из Севастополя для продолжения сдаточных испытаний, а не в боевой поход.

Андреевский флаг был поднят на кормовом флагштоке, только когда крымский берег растаял за горизонтом. Мичман Василий Иванов, вытягиваясь вместе со всеми членами экипажа в струнку, ощутил, как от волнения сжало в груди. Впервые он выходил в боевой поход под Андреевским флагом...

На море стоял зеркальный штиль.

Для подводников – хуже и не придумаешь. В полный, «зеркальный» штиль в чистой черноморской воде лодку можно было засечь не только на поверхности, но и на максимальной для неё глубине погружения. А видимость к тому же была, что называется, идеальной – и нужно было считаться с возможностью воздушной атаки, поскольку у немцев уже появились гидросамолеты.

Комендоры заняли пост у 37-мм орудия; во вторую вахту мичман Василий Иванов встал у пулемётной турели. Но всё прошло спокойно: море и небо оставались пустынными.

На следующее утро «Краб» вышел в точку рандеву с подводными лодками сопровождения. Вскоре к минзагу приблизился «Морж». Затем с правого борта появился «Тюлень».

Как и накануне, стояла жара, а море оставалось зеркально-тихим. До Босфора было ещё далеко, и командир разрешил всем искупаться. Со всех трёх подлодок матросы и офицеры, свободные от вахт, попрыгали за борт. Удовольствие было недолгим – всего полчаса, а затем подлодки, пройдя десяток миль параллельно, в кабельтове одна от одной, разошлись, каждая своим курсом.

Через несколько часов полного хода на горизонте появилось гористое Анатолийское побережье. Всё ещё держался штиль, самая неблагоприятная для подводников погода: перископ, рассекающий гладкую воду, в морской бинокль можно заметить за несколько миль. Но совершенно неожиданно и кстати поднялся ветер, по воде сначала пошла рябь, а через несколько минут началось настоящее волнение. Да такое, что волны с пенистыми «барашками» стали перекатываться через палубу глубоко сидящего «Краба». А на горизонте уже стали различимы береговые огни и маяки Босфора.

Вскоре рокот дизелей умолк. «Краб», почти невидимый в надвигающихся сумерках, раскачивался на волне перед северным входом в пролив, между ним и внешними линиями минного заграждения противника, которое он благополучно миновал по разведанному фарватеру. Весь экипаж вышел наверх – подышать свежим воздухом перед погружением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.